

Максуд Ибрагимбеков
НЕФТЯНОЙ БУМ УЛЫБАЕТСЯ ВСЕМ

Всякое сходство персонажей с реальными лицами является абсолютно случайным.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Шахлар Мехмандаров – богатый нефтепромышленник, вдовец.

Сеймур Мехмандаров – его сын.

Айша Юзбашева – жена Сеймура.

Иоган Шведенклей – историк, специалист по Древнему Египту.

Марион Дюбарри – звезда варьете «Белая ночь».

Петер Омре – друг Сеймура по университету.

Павел Александрович Мартынов – губернатор.

Нина Владимировна – жена губернатора.

Алоизий Чемпанский – обедневший польский граф.

Эльдар Касумбеков – ротмистр жандармерии.

Раф Ленкоранский – редактор городской газеты «Резонанс».

Аслан Автарханов – следователь.

Василий Фиолетов – революционер.

Прокурор.

Судья.

Гулам – слуга.

Служанка.

Дворник.

Конвоиры.

Прием в зале Дворянского собрания Баку. На переднем плане лозунг бакинских нефтепромышленников – «Мы осветим весь мир и смажем всю Европу!» Праздник жизни. Вечерние платья, фраки, расшитые золотом мундиры, цветы, бриллианты, ордена. Играет оркестр, хлопают пробки шампанского, снуют услужливые лакеи.

Адъютант (громко). Его превосходительство генерал- губернатор князь Павел Александрович Мартынов с супругой!

Шум стихает. Мартынов с женой в центре внимания. Сквозь кольцо окруживших губернатора людей пробивается Шахлар Мехмандаров.

Шахларбек Мехмандаров. Ваше превосходительство, позвольте вам представить моего сына Сеймура. Окончил университет в Петербурге. Вчера вернулся в Баку. А это его сокурсник друг Петер Омре. Тоже геолог-нефтяник.

Мартынов. Похож, похож! Припоминаю, бек, это ваш единственный сын. Буду рад видеть вас с отцом у себя (обращается к Петеру). А вы надолго в наши края?

Петер. Кажется, надолго. Господин Мехмандаров предложил мне деятельность по моей профессии.

Шахларбек Мехмандаров. Господин Омре займется управлением двух действующих промыслов в Балаханах, а также разведкой нефтеносных участков в Сабунчах

Нина Владимировна. Вы оба непременно должны вступить в Древнеегипетское общество. Это чрезвычайно увлекательно. Господин Шведенклей рассказывает там удивительные вещи, которые действуют на воображение ужасающе, но приятно.

Мартынов (ворчливо). И бессонницу вызывают.

Нина Владимировна. Известное дело - наука на человека действует возбуждающе. Господин Иоган Шведенклей - германский ученый, посвятил жизнь Древнему Египту, он там три года жил и собирается навсегда туда вернуться.

Мартынов. Дорогая моя, не совсем так. Он жил не в Древнем Египте, а в нынешнем.

Нина Владимировна. Все равно это очень далеко.

К губернатору и его супруге подходят поздороваться трое – жандармский ротмистр Эльдар Касумбеков, он в шитом золотом мундире с эполетами, редактор городской газеты «Резонанс» Раф Ленкоранский и польский граф Алоизий Чемпанский.

Мартынов. Рад вас видеть! Вы знакомы? Господин ротмистр Касумбеков, а это господа Мехмандаров и Омре.

Касумбеков. С господином Сеймуrom Мехмандаровым мы знакомы с давних времен, а с господином Омре надеюсь познакомиться поближе.

Ленкоранский. Раф Ленкоранский.

Нина Владимировна. Издатель газеты «Резонанс».

Петер (Сеймуру). Этот красавец ротмистр производит впечатление очень опасного человека.

Сеймур. Так и есть. Отъявленный мизантроп. И очень завистливый. Я его с детства знаю. Но мы ему не по зубам, и он это хорошо знает.

Мартынов. Господа, это граф Алоизий Шампанский, прошу любить и жаловать!

Чемпанский (вежливо поправляет). С вашего разрешения, Чемпанский. Граф Чемпанский.

Мартынов. Извините, втемяшилось со вчерашнего дня в голову - Шампанский да Шампанский. А все оттого, что в Баку шампанское стало привычным словом. Господин Мехмандаров, я обещал графу представить его вам, у него новые мысли, и он надеется ими вас заинтересовать.

Сеймур (Петеру). Сногшибательные новости! И я узнаю их последним. Мы же договорились через месяц вернуться в Петербург, а я сейчас узнаю, что ты согласился на должность в Баку. И как я все это должен понимать, господин Петер Омре?

Петер. После обеда, ты еще спал, меня пригласили к твоему отцу. Он усадил меня в фэтон, и мы поехали. Объездили все промыслы в Балаханах, Сабунчах и Биби-Эйбате. Он предложил мне три тысячи жалованья и двухэтажный дом на набережной для жилья. На эти деньги, не роскошествуя, год прожить можно.

Сеймур. Поистине, люди гибнут за металл. И какие люди. А как же наши планы? И ты сразу согласился?

Петер. Согласился, когда узнал, что три тысячи мне будут выплачивать не в год, а каждый месяц. Домой мы вернулись час назад, принарядились и сразу сюда. Здесь встретились. Теперь ты все знаешь. И не осуждай меня, такое предложение человек получает один раз в жизни.

Сеймур (удивленно). Мой отец копейки не потратит без пользы для дела. То, что он назначил такое жалованье начинающему инженеру, каким по всем признакам являешься ты, событие удивительное. По-моему, даже наш управляющий делами получает меньше.

Петер. Остается надеяться, что он не передумает.

Сеймур. Вот в этом-то можно не сомневаться. Но твое решение остаться в Баку на корню подкосило все наши планы. Как ты мог?.. А что о нас подумают товарищи, которым мы обещали вернуться. А Марион?! Она решит, что я обманул ее.

Петер. Ладно. Если ты настаиваешь, я откажусь от этой должности. Погостить в Баку пригласил меня ты, работу мне предложил твой отец! Если ты решишь вернуться в Петербург, я здесь не останусь. Слово за тобой. Но, мне кажется, было бы непростительной глупостью покинуть этот праздник жизни ради Питера, где давно уже все расставлено по полочкам и все полочки заняты навсегда не нами. А здесь огромное поле для энергичного человека.

Сеймур. А наши товарищи, наше общее дело?

Петер. Живяв Баку, мы можем принести много пользы нашему делу. Я уверен, наши друзья в Питере это одобряют.

Шахларбек. Так в чем может состоять мое участие в вашем деле, дражайший господин Чемпанский?

Чемпанский. А разве губернатор вам о моих планах ничего не говорил?

Шахларбек. Только то, что сказал в вашем присутствии. Велел вас любить и жаловать и в меру моих сил оказать вам содействие в вашем деле, что я с превеликим удовольствием и желаю исполнить. Но о том, в чем суть вашего дела, ни слова не сказал

Чемпанский. Согласно предварительной переписке с господином Мартыновым, я прибыл в Баку, чтобы заняться нефтяным промыслом. В эпистолярную связь с господином Мартыновым я имел честь вступить благодаря посредству его сиятельства графа Лещинского. Вы знакомы с графом Лещинским?.. Жаль, но я был уверен, что имя это вам знакомо.

Шахларбек. Лещинский — известная в Баку фамилия. До прошлого года был главой бакинской биржи. Оказался отпетым мошенником и мазуриком, за что и был присужден к трем годам каторги.

Чемпанский. Это никак не совместимые по значению имена. Князь Лещинский - личность государственного масштаба. Человек безупречной репутации!

Шахларбек. Так какое у вас ко мне дело?

Чемпанский. Я хочу купить в Баку землю, на которой можно добывать нефть. Вся Европа увидит в этом глубокий символический смысл.

Шахларбек. Гм... Глубокий смысл познается не сразу... Сделайте любезность, объясните мне, в чем состоит этот смысл?

Чемпанский. Несомненно, вам известно, что керосиновую лампу изобрел поляк. Сегодня все дома и улицы в Европе освещаются польскими фонарями на бакинском керосине. Все увидят глубокий смысл в том, что впервые польский аристократ сам добывает нефть.

Шахларбек. Ваши возвышенные мысли вызывают у меня восхищение, потому как все мы тут до сих пор совершенно бессмысленно добываем эту черную жидкость с неприятным запахом только ради денег.

Чемпанский. Я хочу купить нефтеносную землю.

Шахларбек. Ничего нет проще. В здании мэрии, на втором этаже, в межевом управлении вам незамедлительно представят план с земельными участками, подлежащими продаже. Покупайте на здоровье, сколько хотите!

Чемпанский. Но существуют некоторого рода обстоятельства исключительно деликатного свойства, именно по поводу них я и хотел поговорить с вами антр ну.

Шахларбек. Хорошо. Прошу пожаловать ко мне завтра в полдень.

Мартынов. А как вам нравится этот девиз, который впервые был оглашен вчера на съезде нефтяников (с чувством). — «Мы осветим весь мир и смажем всю Европу»? Впечатляет, не так ли?

Сеймур. Красиво. Но, извините, ваше превосходительство, он немного устарел.

Нина Владимировна. Когда это он успел устареть за один день, если его огласили только вчера вечером?

Мартынов. Видимо, у господина Мехмандарова есть суждение, которое он еще не успел нам высказать.

Сеймур. Профессор нашего университета адмирал Бессонов на прошлой неделе вернулся из Великобритании. Он рассказал перед выпускной аудиторией, что военный министр Англии сэр Уинстон Черчилль отменил на всех кораблях военного флота его величества использование каменного угля и приказал употреблять в качестве горючего мазут. С этой целью в Англии и во всех колониях начали переделывать под мазут все корабельные топки. Адмирал считает, что за Англией, как всегда, потянутся и другие морские державы.

Петер. Адмирал Бессонов уверен, что в ближайшее время российский флот также перейдет на пользование жидким топливом. Возможно, вместе с ним и железная дорога. И тогда потребность в бакинской нефти в России и в Европе увеличится в тысячи раз. Сегодня нефть употребляется главным образом для освещения, смазывания деталей механизмов и выработки электроэнергии, ну, еще малую толику употребляют аэропланы и автомобили. Это капля по сравнению с морем нефти, которое в ближайшем будущем потребуют двигатели кораблей и локомотивов.

Нина Владимировна. До нас здесь, в Баку, так поздно доходят вести! А в газетах наших только и пишут, что о падении нравов, лошадиных бегах и о том, как плохо живет народ... Вы еще кому-нибудь об этом рассказывали?

Петер. Нет.

Нина Владимировна. Это очень хорошо. Потому что такие сведения сразу же отражаются на биржевых колебаниях. Молодые люди должны этим воспользоваться.

Петер. Каким образом?

Шахларбек. И молодые, и мы, завтра, как только заработает биржа, обязательно купим немного акций предприятия братьев Нобелей. Очень надежные акции.

Мартынов (подчеркнуто). Я на бирже не играю!

Нина Владимировна. И не надо, у вас своих государственных дел тьма. Я сама распоряжусь.

Мартынов. Господа, вы привезли хорошие новости. Самое главное, они будут способствовать дальнейшему процветанию Баку. Подъем нефтяного бума продолжится, и остановить его, слава богу, невозможно!

Нина Владимировна (подзывает адъютанта). Просите всех к столу!

За окнами раздаются орудийные выстрелы. В небе рассыпаются разноцветные звезды фейерверка.

Чемпанский. Красивый фейерверк!

Нина Владимировна. Фейерверк? Он только с виду красивый, а на деле одни неприятности. На новый год от него новая купальня сгорела и городовому голову опалило, да так, что вместо волос у него нынче на голове серый мех вырос, вроде беличьего. Велено ему на людях фуражку не снимать, дабы не смущать народ.

Сеймур (Петеру). Раз уж мы здесь задерживаемся, сегодня же телеграфом вышлю депешу Марион. Пусть приезжает.

Петер. Как же она приедет, если у нее контракт с варьете?

Сеймур. Вместе со всем варьете. Я обо всем позабочусь. Будут петь и танцевать в летнем концертном зале, что на бульваре. Все останутся довольны, можешь мне поверить. Мы здесь всего-то день, а уже сил нет, до того без нее тоскливо. А что дальше будет?

Петер. Привыкнешь. Время лучший врач.

Сеймур. Привыкать следует только к хорошему. Тогда и врач не понадобится.

Шахларбек (вполголоса Нине Владимировне). Приехал Юзбашев с дочерью. Они направляются к вам. Прошу вас представить ей моего Сеймура.

Нина Владимировна. У вас хороший вкус. Красива, воспитанна и богата. Но девица привередливая и капризная. Всем женихам отказывает. А два месяца назад произошел скандал: к ней посватался ротмистр Касумбеков и, несмотря на то что отец был не против, она ротмистру наотрез отказала. Не нравится ей, что он в жандармерии служит. Сугубо антр- ну, я этому порадовалась. Мне он тоже не нравится, взгляд у него уж больно тяжелый, как у гипнотизера. Вы не обращали внимания?

Шахларбек. На то он и жандарм. Мне казалось, что службу он несет исправно.

Нина Владимировна (неохотно соглашается). Ретивый, ничего не скажешь.

Шахларбек. Идут. Сеймур, подойди поближе.

Нина Владимировна. (знакомит молодых людей). Сеймур Мехмандаров, Петер Омре. После университета в Санкт-Петербурге приехали к нам. Айша Юзбашева. Закончила с отличием лицей благородных девиц. Прошу любить и жаловать.

Молодые люди раскланиваются.

Айша. Не скучно в Баку после столицы?

Сеймур. Говорят, скучно бывает там, где живут скучные люди. К Баку это не относится. Поэтому мне кажется, здесь можно жить и даже получать удовольствие от жизни.

Айша. Это приятно слышать. Значит, или мне встречаются сплошь и рядом скучные люди, или я сама неинтересный человек, потому что у меня постоянное ощущение, что мы живем здесь в глухой провинции, на самой окраине огромной империи. До нас с большим опозданием доходят вести об интересных событиях. Нет, я все-таки думаю, что жить в Санкт-Петербурге гораздо интереснее, чем в Баку.

Сеймур. Санкт-Петербург — это столица, огромный город. Но можно ведь сделать так, чтобы Баку изменился. От нас ведь тоже кое-что зависит. Скажем, в Санкт-Петербурге вот уже два года как ходят двух- и трех-вагонные электрические трамваи, а в Баку люди по-прежнему ездят в конках на лошадиной тяге. Невский проспект в этом году освещен электрическим светом. И многое другое. Все это возможно и в Баку.

Айша. Наверно, возможно. Но кто все это сделает?

Петер. Мы здесь всего-то два дня, а Сеймур уже собирается в ближайшее время привезти сюда из Санкт-Петербурга на постоянный ангажемент лучшее столичное варьете. Это только первый шаг. Увидите, он еще не такое придумает.

Айша. Никогда не бывала в варьете. Неужели это может быть?

Сеймур. Причем здесь варьете?.. Варьете, конечно, приедет. Я говорил о вещах более важных, чем танцы и песни. Я имею в виду, что Баку - это затхлое болото, куда не долетает свежий ветер свободомыслия. Свобода, равенство, братство — такие высокие понятия пока здесь спросом не пользуются. Но мы должны это исправить.

Петер. Как сказал поэт, «Пока свободой горим, пока сердца для чести живы...»

Айша. К сожалению, о таких вещах в Баку рассуждать не принято. Мысли всех, кого я знаю, заняты главным образом нефтью и деньгами.

Сеймур. Мы — я и мой друг Петер Омре постараемся объяснить людям, что жизнь без этих высоких идеалов - это жалкое существование, недостойное человека.

Айша. Вы очень смелый человек.

Касумбеков со стороны молча наблюдает за ними. Появляется Иоган Шведенклей. Приветствует губернатора. Целует руку Нине Владимировне.

Нина Владимировна. А вот и наш дорогой господин Шведенклей! Рада вас видеть. Я уверена, он вас всех пригласит на следующее заседание Общества египтологии.

Шведенклей. Совершенно верно, я буду ждать вас всех в воскресенье в полдень.

Петер и Сеймур. Спасибо, придем непременно.

Петер(Сеймуру). Поздравляю. По-моему, ты произвел на нее сильное впечатление. А твой пассаж с ветром свободы подействовал на меня как барабанная дробь на старую армейскую клячу.

Шахларбек (Нине Владимировне). Я вам очень признателен.

Нина Владимировна. Хорошо бы, если дело сладится. Подходящая пара.

Шахларбек. Бог милостив.

Петер. Очаровательная девушка.

Шахларбек. Причем из очень хорошей семьи. Отец дает за ней приданого восемьсот тысяч и судостроительную верфь. Как ты к этому относишься?

Сеймур. Она мне понравилась, с ней можно появляться на людях.

Шахларбек. Ты бы очень меня порадовал, если женился бы на ней.

Сеймур. Почему бы нет? Жениться рано или поздно придется, а она по всем статьям для этой благой цели очень годится. Остается одно препятствие, - чтобы я ей тоже понравился.

Шахларбек. Все в твоих руках. Постарайся.

Сеймур (Петеру). Если ты не очень устал, поехали вместе на телеграф, дадим телеграмму в Петербург Марион. Я без нее сойду здесь с ума.

Петер. У этого ротмистра дьявольски тяжелый взгляд. Когда он услышит о матримониальных проектах твоего отца, мне кажется, он может стать опасным.

Сеймур. Ты еще не понял, что происходит? В Баку влияние и связи – это власть. И на каждом человеке вывешен прейскурант, сколько он стоит. Мы здесь хозяева жизни, все для нас, и ничего нам в Баку не может быть опасным. Едем на телеграф!

Кабинет Шахларбека. Входит слуга Гулам.

Гулам. Бек! К вам пришел господин Шампанский! Пускать?

Шахларбек. Не Шампанский, а Чемпанский. Шампанское - игристое вино, а Чемпанский - это граф. Понял?

Гулам. Вам виднее. Пускать?

Шахларбек. Когда ты уезжал в Петербург, у тебя были хорошие манеры, и я даже думал тогда, что со временем из тебя может получиться управляющий кухней и приемом гостей! Что за слово такое – «пускать!» Пускают охотничьих собак, коней или бойцовых петухов. Гостей просят войти. Ты понял? Проси!

Гулам. Бек, я знаю, что дело не в шампанском и петухах, вы на меня сердитесь за то, что я не донес вам из Петербурга, что Сеймур завел дружбу с революционерами.

Шахларбек (беззлобно). Пошел вон!

В кабинет входит Чемпанский. Шахларбек встает, идет ему навстречу.

Шахларбек. Садитесь в это кресло, здесь вам будет удобно. Что будете пить: чай, кофе?..
Гулам, кофе!

Чемпанский. Приношу извинения за то, что отнимаю время...

Шахларбек. Все мое время в вашем распоряжении. Я никуда не тороплюсь. Вчера мы остановились на том, что вы желаете купить в Баку участок свободной земли...

Чемпанский. Нефтеносный.

Шахларбек. Этого хотят все, но дать гарантию в исполнении такого желания невозможно, ибо даже самая приятная с виду земля часто содержит в глубине своей не нефть, а лишь ни на что не пригодную солоноватую, горькую воду. И тогда пропадают все затраты. И это не самый худший случай.

Чемпанский. Что же, на ваш взгляд может быть еще хуже?

Шахларбек. Газ. Хуже этого ничего не может быть. Он со свистом вырывается из вырытой с таким трудом скважины и воспламеняется от малейшей искры. Из-за него сгорают дорогие

механизмы и гибнут рабочие. А владельцу земли, кроме всех расходов, полагается выдать пособие осиротевшим семьям.

Чемпанский. Вы меня пугаете!

Шахларбек. Все зависит от везения. Напоминает игру в рулетку: вы ставите на красное или черное, а дальнейшее зависит уже не от вас. В Баку много людей, которые за неделю становились богачами, но разорившихся до нитки во сто крат больше. Вы наделены даром предвидения?

Чемпанский. А вы? Вы, в первый раз покупая землю, чувствовали заранее, что она содержит нефть?

Шахларбек. В мыслях не было. Пятнадцать лет назад, в связи с неожиданной смертью отца я, будучи в чине поручика, вышел в отставку с военной службы и поселился в нашем именье в Бузовнах, это селенье под Баку. Вам будет сейчас невозможно представить, как я тогда нуждался. Мы никогда не приглашали гостей, чтобы никто не узнал, в какой нищете живет моя семья. Вот этот слуга Гулам один был за повара, садовника и кучера. Выезжал я на ободранном фаэтоне с заштопанным верхом с двумя худыми клячами одного со мной возраста. И вот в один благословенный богом день поверхность воды в колодце, в десяти шагах от дома, покрылась маслянистыми пятнами и стала издавать запах керосина. Я продал драгоценности покойной матери и нанял инженера-поисковика вместе с артелью рабочих. Дом пришлось снести: оказалось, что под ним-то и ждала своего часа фонтанирующая нефть! С этого все и началось. Как видите, это везение в чистом виде.

Чемпанский. И все-таки я хочу рискнуть.

Шахларбек. Это прекрасно! Риск благородное дело. Чем я могу быть полезным?

Чемпанский. Я попросил господина Мартынова рекомендовать меня вам по некоторым обстоятельствам деликатного свойства, а именно, о моем временном, я бы даже назвал это кратковременном стесненном положении в денежных средствах. И он обещал мне посредством графа Лещинского ходатайствовать перед вами о выделении ссуды, достаточной для приобретения в собственность земельного участка.

Шахларбек. В разговоре со мной его превосходительство о ссуде не упоминал, и его можно понять. В здешних краях, господин Чемпанский, принято затевать рискованное предприятие исключительно за собственный счет.

Чемпанский. То есть вы мне отказываете в ссуде?

Шахларбек. Именно так. Но я от своего обещания не отказываюсь и готов оказать вам полезное содействие.

Чемпанский. А в чем это содействие может состоять?

Шахларбек. Баку — это большой город, это мировая столица нефти. Мы, отцы города, не жалеем денег и усилий, чтобы он стал похожим на крупную европейскую столицу, и кое-чего, как мне кажется, уже добились. Мы уже построили два театра, цирк, бани, ипподром и казино. Построили новый яхт-клуб с двумя причалами и рестораном. Но до сих пор, так же как ни в одном крупном кавказском городе, ни в Дербенте, ни в Тифлисе, в Баку нет зоопарка. Мы со своей стороны предоставим для этого деньги, если вы со своей стороны согласитесь употребить свое умение и свои связи. Слово за вами, господин Чемпанский.

Чемпанский (встает). Я не ослышался, вы предлагаете мне заняться устройством зверинца?!

Шахларбек. Мало того, я советую вам это предложение принять.

Чемпанский. Господин Мехмандаров, вы дворянин?

Шахларбек. Имею честь быть российским дворянином. А почему вы это спросили?

Чемпанский. Вы нанесли мне оскорбление, которое можно смыть только кровью.

Шахларбек. Вы желаете меня убить?

Чемпанский. Попытаюсь. Вы дворянин, и это предоставляет нам возможность драться. Выбор оружия я предоставляю вам.

Шахларбек. Подраться мы успеем, но прежде дослушайте меня. Мы создали фонд, куда все крупные нефтепромышленники — Юзбашев, Гукасов, Тагиев, Манташев, братья Нобели, Дадашев и в их числе ваш покорный слуга — ежегодно делают взносы. Мое предложение — это первый шаг на пути к карьере нефтепромышленника. Решением фонда вам будет положено хорошее содержание и открыт счет, обеспечивающий расходы на строительство зоопарка и покупку экзотических животных. Жалованье фонда позволит вам несколько не роняя чести, через два - два с половиной года купить земельный участок, который, возможно, окажется нефтеносным. Господин Чемпанский, раз уж нам неизбежно предстоит драться, позвольте вам сказать, что для достижения вашей цели вы избрали неверный путь. Сегодня утром мне совершенно случайно стало известно, что вам поочередно отказали в ссуде несколько членов нашего фонда, которым вы также были рекомендованы.

Чемпанский (садится). Странно. Я вел эти переговоры доверительно и конфиденциально.

Шахларбек. Знаю, знаю. И все они вам отказали. Осуждать их за это нельзя. Я вам открою маленький секрет, господин Чемпанский. После того как Баку стал нефтяной столицей, сюда со всего света стали съезжаться люди с единственной целью - быстро разбогатеть. Но до сего дня ни у кого эта мечта не сбылась. Повезло только братьям Нобелям. И вы знаете почему? Они не мечтатели, они деловые люди. Вначале полгода изучали обстановку, затем вложили в дело большой капитал. Теперь получают хорошую прибыль. У остальных ничего не получилось, в соответствии со старым известным законом.

Чемпанский. С каким это законом?

Шахларбек. Я уверен, он вам известен. Из пустоты можно получить только пустоту. Но я хочу вам помочь, и знаю, как это сделать.

Чемпанский. После ваших объяснений ваше желание звучит странно.

Шахларбек. Я делаю это по выгодному для меня расчету.

Чемпанский. И в чем заключается скрытый смысл вашего расчета?

Шахларбек (улыбается). Я же вам вчера по другому поводу сказал, что глубокий смысл познается не сразу. И еще, господин Чемпанский, это я тоже сегодня утром узнал совершенно случайно, вы поселились в гостинице «Каспийская». Для солидного представителя нефтяного фонда это невозможно. В «Каспийской», пардон, живут проститутки, дешевые репортеры и шулера - одним словом, неудачники. Вы меня очень обяжете, если переедете в гостиницу посolidнее, скажем, в «Старую Европу». Ваши счета за пребывание в ней будут незамедлительно оплачиваться. Все зависит от вашего решения.

Шахларбека на полуслове прерывает Гулам.

Гулам. Бек, к вам пришли Сеймур и господин Омре.

Шахларбек. Очень хорошо. Пусть заходят.

Чемпанский встает навстречу Сеймuru и Петеру. Шахларбек отходит в глубь кабинета к столу. Неожиданно для всех начинает звучать музыка. После оркестрового вступления невидимый певец с поразительной красоты голосом поет итальянскую песню. Присутствующие потрясены.

Сеймур. Что происходит?! (Открывает дверь, заглядывает в соседнюю комнату). Никаких музыкантов.

Петер. Он поет где-то здесь в комнате. И оркестр... Уму непостижимо!

Чемпанский (в смятении). Матка боска! Небеса разверзлись, и ангел запел!

Шахларбек (он доволен произведенным эффектом). Я чувствую, вам нравится, как поет (читает надпись на конверте) Энрике Карузо. Бельканто.

Сеймур, Петер и Чемпанский(все вместе). Но что это?!

Шахларбек. Это деньги. Всего-навсего деньги. Перед вами граммофон, господа. Последнее достижение науки. Я выписал его из Берлина, где создан филиал американской компании «Патэ». В Баку он единственный. Я продемонстрировал его перед вами для того, чтобы напомнить о том, что деньги зарабатываются различными методами, но в итоге суть у всех заработанных денег единственная – они предоставляют человеку свободу, здоровье, прекрасное жилье, любые наслаждения и уважение окружающих. Вы согласны со мной, господин Чемпанский? Зарабатывайте деньги, господа.

Чемпанский. Вот если бы еще знать способ заработать их.

Шахларбек. Об этом мы с вами и толковали до прихода молодых людей.

Сеймур. Деньги - это далеко не все.

Чемпанский (взволновавшись, скороговоркой). Как это не все, как это не все?! Господи, прости его, несмышлениша!

Сеймур. Вы со мной?

Чемпанский (пойман врасплох). Мы с вашим папа столько говорили о зоопарке, что я сейчас попытался вспомнить детские стишки – «Соловей кукушке откусил макушку, не горюй, кукушка, заживет макушка!»

Сеймур. Вы, наверно, любите животных?

Чемпанский. Именно так. Всегда относился с симпатией к пони, канарейкам и пуделям.

Шахларбек. Господин Чемпанский, с вашего разрешения, я хочу съездить на Баилов и присмотреть участок под зоопарк. Если пожелаете, можете составить мне компанию.

Чемпанский. С превеликим удовольствием.

Сеймур. В Баку открыли зоопарк? Я не знал.

Шахларбек. Откроют в ближайшее время. И это под силу только нашему дорогому господину Чемпанскому.

Чемпанский. И еще мне хотелось бы, чтобы дети и взрослые, утомившись от зрелища экзотических животных, могли бы под присмотром обученных грумов покататься на слонах и верблюдах. Даже в Варшаве этого нет. Я видел такие катания в детстве, в зоопарке Вены.

Сеймур. И вы катались на слоне?

Чемпанский. Имел честь. На спине слона вместо своеобразного седла была установлена тележка со скамейками. Кроме того, всех детей там же на спине слона угощали американским мороженым эскимо.

Петер. Счастливец. Я никогда не ездил на слоне.

Чемпанский. И самое удивительное, господа, что слоны тоже едят мороженое. Я это видел своими глазами.

Гулам. Фаэтон подъехал.

Шахларбек. Паршивец, прервал разговор на самом приятном месте.

Чемпанский и Шахларбек уходят.

Сеймур (Звонит в колокольчик. Появляется Гулам). Сегодня вечером отвезешь в дом Юзбашева букет белых лилий. Никому не поручай. Сам.

Гулам. Ничего из этого не выйдет.

Сеймур. Ты что несешь? Как это не выйдет?

Гулам. Не сезон. Где я возьму лилии?

Сеймур. Тогда белые розы, а вечером темно-красные. И так каждый день: утром букет белых роз, вечером— темно-красных. Ничего не объясняй. Молча отдай и уходи. Принеси конверт с монограммой. Из тех, что я привез с собой.

Гулам (уходя). Розовые, те, что я относил в цветах мамзель Марион?

Петер. Как продвигается твое сватовство?

Сеймур. Как в сказке. Видимся урывками, тайком, хотя все знают, когда и где мы встречаемся. Она на меня смотрит как на волшебного принца, ждет от меня подвигов. Я ее стараюсь не разочаровать, а в промежутках рассказываю ей, какая она красавица. Наивная до невозможного. Вспомнил сейчас старый анекдот: Адам спрашивает у Бога, почему он создал Еву такой красивой. «Чтобы ты полюбил ее», - ответил Бог. «А почему такой глупой?» — «Чтобы она полюбила тебя!»

Петер. Айша Юзбашева отнюдь не показалась мне глупой.

Сеймур. Да анекдот-то не о ней, а о Еве.

Приходит Гулам с конвертом.

Сеймур (садится за стол, диктует себе, пишет). «Думаю только о вас». (Вкладывает записку в конверт, отдает Гуламу).

Гулам. Можно и без визитки. Во дворе Юзбашева весь день околачиваются слуги. Наперегонки побегут сказать ей, что от Мехмандарова пришел Гулам с букетом. Будьте спокойны, весь Баку сегодня узнает, что цветы от вас.

Сеймур. Ладно, ладно. Пусть все знают, что я женюсь на Айше Юзбашевой. Иди. (Гулам уходит). Ко мне сегодня приходили люди из рабочего комитета, мы славненько поговорили. Необразованные простые люди, а рассуждают на удивление здраво. Я им выдал на нужды их комитета четыреста рублей.

Петер. Может быть, несколько преждевременно, но в принципе ты поступил правильно для первого знакомства. А где взял деньги?

Сеймур. В банке, разумеется, где же еще. По указанию отца со вчерашнего дня моя подпись действительна и обязательна для исполнения. И две тысячи я перевел в Петербург на счет варьете. Скоро должны приехать. Как это Энрике Карузо поет? «О, Мари, о Мари! Ты навек унесла мой покой!» Пошли, послушаем.

Идет заседание Древнеегипетского общества. В зале все знакомые лица.

Шведенклей (на стене появляется проекция сфинкса). Господа, перед вами сфинкс, поистине мировая загадка. Несколько тысячелетий это всеми забытое колоссальное каменное изваяние было засыпано песком пустыни, видна была только голова. На то, чтобы освободить его от песка, понадобилось десять тысяч рабов, которые на протяжении семи лет только этим и занимались.

Чемпанский. Пардон, каким образом вам это стало известно?

Шведенклей. С вашего разрешения, об этом чуть позже. Три с половиной тысячи лет назад младший сын фараона Тутмос увидел вещий сон, в котором сфинкс предсказал ему, что он будет фараоном. И Тутмос, будучи младшим сыном и не имея прав на престол, невероятным образом все-таки стал фараоном. В благодарность за это Тутмос освободил сфинкса от песчаного плена и поместил между передними лапами сфинкса стелу с рассказом о чудесном происшествии. Там же приводится и названное мною количество рабов и времени.

Чемпанский. Еще один вопрос, с вашего разрешения. Мне приходилось и раньше видеть изображение сфинкса, и каждый раз меня интересовало, кто же он: мужчина или женщина, пардон, самец или самка? Никто этого не знал. Я уверен, что вам, господин Шведенклей, специалисту по Древнему Египту, это известно.

Шведенклей (в замешательстве). Самец или самка? Мне приходилось читать все известные научные труды по сфинксу, но нигде об этом не сказано. Интересный вопрос. У всех древнеегипетских богов мужского пола на изображении присутствует борода, а у сфинкса ее нет... Можно было бы предположить, что на его плечи спадает грива, что является признаком самца льва, но доподлинно известно, что это головной убор, который носили в Древнем Египте как мужчины, так и женщины... Нет, господин Чемпанский, к сожалению, я не знаю ответа на этот вопрос.

Чемпанский. Если вы не знаете, значит, никто не знает. Но это можно узнать, и это сделаем мы, члены Бакинского древнеегипетского общества. Мне стало известно, что попечители общества согласились оплатить поездку нескольких членов нашего общества в Египет с

целью ознакомления с пирамидами и сфинксом; так вот, если мы уговорим их несколько увеличить смету, то мы сумеем нанять рабочих и устроить в нужном месте подкоп под сфинксом. И тогда, благодаря нам, весь цивилизованный мир узнает наконец тысячелетнюю тайну: кто же он, сфинкс, на самом деле, мужчина или женщина. Это станет мировым открытием, и наши имена будут вписаны в анналы истории.

Шведенклей (улыбается). Звучит заманчиво, но, увы, господин Чемпанский, все не так просто. Такое исследование требует колоссальных расходов.

Нина Владимировна. По моему ходатайству учредители Нефтяного фонда согласились финансировать научную экспедицию в Древний Египет, но я сомневаюсь в том, что они дадут деньги и на подкоп под сфинкс.

Чемпанский. Очень жаль. Мы стоим на пороге открытия мирового значения.

Свадьба Сеймура и Айши. Все знакомые лица. Веселье в разгаре.

Сеймур (Айше). Клянусь тебе, что мы не будем жить такой же серой бессмысленной жизнью, как все они. Через два года выборы, я буду баллотироваться, выставлю свою кандидатуру в Государственную думу от Бакинской губернии, и мы будем жить в Санкт-Петербурге. А до этого непременно съездим в Венецию. Ты не представляешь себе, какая это неземная красота!

Айша. Мне ничего не нужно, но мы будем делать все, что ты захочешь. А я и так счастлива! Лишь бы ты всегда был рядом. Если бы ты знал, как я счастлива!

Появляется Петер. Подходит к молодоженам. Поздравляет их.

Петер(Сеймуру). Вся труппа приехала в Баку.

Сеймур. А Марион?

Петер. Она будет жить в гостинице «Бристоль».

Сеймур. Слава богу, а то у тебя такое выражение лица, как будто что-то случилось неприятное.

Петер. Говоря откровенно, мне не нравится это совпадение. В один день — твоя свадьба и приезд Марион. Ты же знаешь, я суеверен...

Сеймур. И это говорит убежденный материалист. Долой мистику! Это хорошее предзнаменование! Возьми лучше бокал, выпьем за наше прекрасное будущее (Чокаются).

Дом Сеймура Мехмандарова. Айша перед зеркалом примеряет платье. Приходит служанка.

Служанка. Пришел господин Касумбеков. Хочет видеть Сеймур-бека.

Айша. Ты же знаешь, что он уехал.

Служанка. Ему сказали, но он хочет поговорить с вами.

Айша. Проси. Пока он будет здесь, не уходи.

Появляется Касумбеков...

Касумбеков. Я хотел видеть вашего мужа, но раз уж его нет, решил зайти поздороваться с вами и передать для него письмо.

Айша. Очень приятно (Сесть ротмистру не предлагает).

Касумбеков. А куда уехал господин Мехмандаров?

Айша. Уехал вчера на охоту. Вернется сегодня к полудню. Приходите.

Касумбеков (смеется). И вы верите, что он сейчас охотится?

Айша. Не понимаю, отчего вам смешно. Приходите завтра.

Касумбеков. Это и впрямь смешно, называть охотой то занятие, которому сейчас предается ваш муж.

Айша. Это наглость, я не хочу вас слушать.

Касумбеков. Я уйду. Но прежде я скажу вам то, над чем хихикает весь город: ваш муж изменяет вам с певицей из варьете.

Айша. Мне стыдно за вас. Как это низко — прийти в чужой дом и в отсутствие хозяина рассказывать мерзкие небылицы его жене.

Касумбеков. Да, это низко и смешно. И я очень жалею, что вашего мужа нет дома. Я бы объяснил ему, что нельзя жениться на гордой, красивой девушке из известной благородством семьи, а затем выставить ее на посмешище всему городу.

Айша. Я бы тоже хотела посмотреть, что с вами сделает Сеймур, когда узнает, что вы о нем посмели сказать.

Касумбеков. Имеет ли значение то, что он может сделать со мной, по сравнению с тем, что он сейчас проделывает в номере своей любовницы?

Айша. Уходите. Я все расскажу Сеймуру.

Касумбеков. Конечно, расскажете. Вы обязаны это сделать. Все в свое время. Если вам хочется убедиться в том, что ваш муж охотник, а я мерзкий клеветник, то потерпите всего лишь два-три дня. И тогда, в очередной день «охоты», вы своими глазами сможете увидеть, как охотник с дичью после концерта отправляется в ее гостиницу.

Айша. Берегитесь! Я все расскажу, как только он войдет в дом!

Касумбеков. Расскажите. И это будет означать, что вы не хотите знать правду. И никогда ее не узнаете. В конце концов, это ваше дело (Кладет на стол записку). Передайте письмо Сеймуру Мехмандарову. Я хочу увидеться с ним по делу. Всего доброго! (Идет к выходу).

Айша (вслед Касумбекову). Как ее зовут?

Касумбеков. Марион Дюбарри. Красива как богиня любви. И очень к нему привязана. (уходит)

Айша. Это как землетрясение! Никогда бы не подумала, что ротмистр Касумбеков способен на такую низость. Думает, я ему поверю.

Служанка. Не расстраивайтесь. Понятное дело. Вы ему отказали, и он вам отомстил.

Айша. Что значит отомстил? Говори.

Служанка. Я ничего не знаю, но покойная мама говорила мне, что мужчинам доверять нельзя, потому что все они коварные животные.

Айша. Что еще говорила твоя покойная мама?.. Я жду.

Служанка. У Сеймур-бека четыре ружья, и все четыре висят на стене в курительной комнате. Я сегодня утром вытирала там пыль, видела их.

Айша (ходит по комнате). Какое несчастье! Не знаю, что делать.

Служанка. Как что делать? Все очень просто. В следующий раз, когда Сеймур-бек соберется на охоту, поедем в театр и посмотрим, правду сказал Касумбеков или соврал из зависти.

Айша. Чтобы я следила за своим мужем!?!.. Неужели весь этот кошмар происходит со мной?

Кабинет Касумбекова. На стене портрет императора в парадной военной форме. Входит полицейский.

Полицейский. К вам Мехмандаров-младший пришел.

Касумбеков. Как он выглядит?

Полицейский (в некотором недоумении). Хорошо выглядит. Здоров.

Касумбеков. Ты же не доктор, ты полицейский. Я не о здоровье его у тебя справился. Я спрашиваю, не выглядит ли он возбужденным, не замышляет ли что-то недоброе... Бывает, что человек говорит спокойно, а глаза у него безумные или налились кровью. Понял, болван?

Полицейский. Так точно, ваше благородие. Они спокойны и улыбаются.

Касумбеков. Пусть войдет. (Встречает Сеймура у двери.) Располагайтесь поудобнее. Я не застал вас дома и решил пригласить вас к себе. Надеюсь, вы не в обиде?

Сеймур. Нисколько.

Касумбеков. Дело пустяковое, но неприятное. Я приказал арестовать двух ваших рабочих, главарей сабунчинской ячейки социал-революционеров.

Сеймур. За то, что они социал-революционеры?

Касумбеков. Разумеется, нет. Нам давно известно, что они в этой партии. Арестовали их за хранение оружия.

Сеймур. Чем я могу быть полезен?

Касумбеков. Им?

Сеймур (усмехается). Ну, скажем, следствию.

Касумбеков. Благодарю вас. Никакой нужды в этом нет. Зачем вам копаться в этих неприятных вещах? Хотя нам и удалось установить, что деньги на приобретение винтовок и револьверов дали им вы, претензий к вам мы не имеем.

Сеймур. Вы несколько своеобразно трактуете происшедшее. Я передал деньги не на покупку оружия, а на нужды организации, а то, на что они потрачены, слышу впервые.

Касумбеков. Согласен, именно это я объяснил следователю, сказал, что господин Мехмандаров вправе распоряжаться своими деньгами как хочет. А на что они будут потрачены без его ведома, это не его, а, скорее, наше дело. Правда, следователя смутило одно случайное совпадение - это то, что пребывая в Санкт-Петербурге, вы и ваш друг господин Омре были непременными участниками собраний марксистско-революционного толка.

Сеймур. Господин ротмистр! Никак вы за мной следите?

Касумбеков. Упаси бог. Узнал по чистой воды случайности.

Сеймур. Я и не собирался это скрывать. Посещал, потому что каждому человеку полезно знать, что на свете существует еще одна точка зрения, не похожая на общепринятую...

Касумбеков. Представьте себе, ваше мнение на этот счет полностью совпадает с моим. Я так и сказал следователю. Возможно, это мелкое обстоятельство не осталось нами незамеченным по той причине, что в городе появилось очень уж много разных прогрессистов из имущих слоев.

Сеймур. Радоваться этому надо.

Касумбеков. А меня это беспокоит. Мне понятно поведение оппозиции, ее представители мутят и сбивают с толка темный народ, потому что с помощью народа они хотят отобрать у нас с вами власть и имущество. Само собой разумеется, что при любом исходе народу достанутся объедки. Но я не могу понять обладателей власти и богатства, которые поддерживают своих непримиримых врагов... Обратите внимание, все вдруг занялись политикой, не разбираясь в ней толком. Игра с огнем стала модным занятием... Вам не кажется, что в это трудное время люди, вроде нас с вами, должны быть по одну сторону баррикад?

Сеймур. Напротив. Я думаю, просвещенные люди должны поскорее стереть барьер, или, как вы выразились, баррикады, между народом и нами. Только мы можем покончить с несправедливостью. И мы должны это сделать.

Касумбеков. Я с вами не согласен, поскольку убежден, что в служении государству и в любви человек должен быть однолюбом. Но рад был услышать ваше мнение.

Сеймур. До свидания, господин ротмистр (Уходит).

Касумбеков (после ухода Сеймура). Итак, вы желаете быть капиталистом и в то же время революционером, хотите чистой любви дома и изысканного разврата на стороне? Хотите играть и на флейте, и на барабане одновременно? Посмотрим, посмотрим, как вы с этим справитесь, любезнейший господин Мехмандаров. (Облегченно, не замечая вошедшего в кабинет полицейского). Но самое главное, она ничего ему не сказала!

Полицейский. Кто, ваше благородие?

Касумбеков. Кто? Судьба! Моя судьба! С гордым и непримиримым характером... Чего тебе?

Полицейский. Господин Мехмандаров, уходя, сказал мне: «Тяжелая у тебя работа, братец». Вздыхнул и улыбнулся.

Касумбеков. А ты молодец, наблюдательный!

Кабинет Шахларбека. Приходит Сеймур.

Шахларбек. Я не ошибся в Петере. Он восстановил бездействующие скважины, на которые наш управляющий давно махнул рукой, и весь последний месяц они выдают по пятьдесят-шестьдесят тысяч пудов нефти. И всего этого он достиг при небольших дополнительных затратах. До смешного небольших.

Сеймур. Приятно слышать. Гулам мне сказал, что ты сегодня не выходил из дому. Ты здоров?

Шахларбек. Теперь-то ты понял, почему я так хотел, чтобы ты поскорее вернулся. Есть кому заниматься делами, а я могу теперь, когда захочется, и дома посидеть, собраться с мыслями. И отдохнуть.

Сеймур. Отдых вещь хорошая, и все-таки очень уж непривычно видеть, что ты среди бела дня не занимаешься делами.

Шахларбек. Привыкай. Теперь делами в основном будешь заниматься ты.

Сеймур. Конечно, буду. Можешь не сомневаться.

Шахларбек. Хотелось отдохнуть, но завтра придется выйти. Праздник всех мусульман. Ты тоже пойдешь со мной. После молитвы вместе с шейх-уль-исламом выйдем на площадь к людям.

Сеймур. Только не это!

Шахларбек. Что делать, надо. Положение обязывает. Ты ведь знаешь, религиозным человеком я никогда не был. Я жертвую деньги на строительство мечети и встречаюсь на праздниках с шейх-уль-исламом, потому что это необходимо. Ты должен понять, что религия, любая из религий, – это основа порядка. Без религии народ впадает в язычество, а это то же самое, что безграничная распущенность и бессмысленный вандализм.

Сеймур. Ладно, не буду с тобой спорить... И все-таки я чувствую: что-то неладно. Может быть, ты чем-то расстроен?

Шахларбек. Все в порядке. Просто задумался над вещами, которых раньше не было. Вокруг происходят события, которые, если их не остановить, могут стать очень опасными. Все это знают, но делают вид, что ничего не замечают.

Сеймур. Опасность для кого?

Шахларбек. Для государства, для нас с тобой, для общества в целом. Ты посмотри, что делается! На всех промыслах и заводах организованы тайные стачечные комитеты. Повсюду снуют пропагандисты – агитаторы, призывают рабочих требовать то, что они не заработали, требуют дележа того, что им никогда не принадлежало. И самое удивительное – это то, что такие люди, как Тагиев, Манташев, Дадашев, многие из наших друзей и знакомых дают деньги вожакам всех этих комитетов. Ты умный человек, объясни мне, неужели они не понимают, что рубят сук, на котором сидят?

Сеймур. Империя сильна, как никогда, и нам ничего не угрожает. Этот процесс идет везде. В этом смысле Баку, по сравнению с Петербургом, сонное царство. Это нормальный процесс. Люди наконец проснулись, они хотят жить лучше, и мы должны это понимать.

Шахларбек. Никогда рабочие не жили так хорошо, как сейчас. Отовсюду из других стран люди приезжают в Баку, чтобы получить здесь работу. Конечно, народ живет хуже нас, но ведь не мы придумали, что лишь малая часть людей может жить хорошо, а все остальные должны добывать хлеб насущный в поте лица. Так было и так будет всегда и везде.

Сеймур. Но это несправедливо! Люди созданы Богом по его подобию, и все имеют право на хорошую жизнь.

Шахларбек. А я разве против этого? Пусть зарабатывают и живут, как захотят.

Сеймур. Только мы можем им в этом помочь.

Шахларбек. Как? Можно, конечно, раздать им все свои деньги, но этим делу не поможешь: на всех не хватит. Деньги они потратят, а раздающие сами превратятся в нищих. Наступит всеобщая нищета.

Сеймур. Есть и другие способы.

Шахларбек. И мы ими пользуемся. Никто нас не заставляет, но из милосердия строим для них дома для жилья, выплачиваем пенсии семьям погибших в рабочее время, пособия для инвалидов. Если среди них бывают замечены молодые люди, склонные к наукам или искусству, мы посылаем их учиться за наш счет. Поверь мне, рабочие довольны и ничего большего не хотят. Но им каждый день объясняют, что мы их обманываем и все делаем им во вред. Я недавно построил трехэтажный дом для сырых и убогих за двадцать восемь тысяч рублей и мебели на пятьсот рублей купил. Плачу за трехразовое питание на шестьдесят человек и жалование прислуге. Я правильно сделал?

Сеймур. Конечно.

Шахларбек. А этот сукин сын Раф Ленкоранский в своей подлой газетенке «Резонанс» написал, что, если бы мне это не было выгодно, я бы ради этих несчастных пальцем бы не пошевелил. Мол, есть у него подозрения, что я на этом строительстве еще заработал, не уплатив налогов. Но ты-то знаешь, что это не так. Нефтепровод начали строить Баку – Батум. Все за свой счет. И на свой страх и риск. Когда нефтепровод окупится, неизвестно, так он, зная, что ни один банк ни копейки ссуды под это дело не дал, объявил, что сделано это ради обогащения группы плутократов. Ни совести, ни стыда!

Сеймур. Очень странное недоразумение. Я выясню, в чем дело. Раф Ленкоранский и его газета пользуются популярностью за свои передовые взгляды.

Шахларбек. Передовые, как же! Ты же видел, за пять лет, что тебя здесь не было, мы заново отстроили город, сколько новых красивых домов, водопровод провели, разбили сады, навели чистоту и порядок. Обошлись без помощи государства, все сделано на деньги нефтепромышленников. А ты почитай, что он по этому поводу пишет. Обливает грязью всех и вся. Он похож на царя Мидаса, который, прикасаясь, превращал все в золото. А этот все превращает в грязь.

Сеймур. И вы все вместе не можете с ним справиться?

Шахларбек. Все?! Стоит мне одному захотеть, от Ленкоранского в Баку мокрого пятна не останется. Не хочется вредить репутации города.

Сеймур. Вот это правильно.

Шахларбек. На весь мир разрезвонят, что в Баку газеты закрывают. И потом, он же не один. Я же говорю тебе, происходит что-то неладное, и за всеми этими марионетками Ленкоранскими стоит какая-то неизвестная нам опасная сила. Знать бы, кто это.

Сеймур. Зря ты расстраиваешься. Поверь мне, это нормальный процесс. Слава богу, в империи появились наконец общественные силы, которые пытаются улучшить порядок. И никакой опасности в этом я не вижу. Я своими глазами видел великого князя Михаила Александровича с красным флажком в петлице. Что ты на это скажешь? Перемен хотят все. Представь себе, мы живем в двадцатом веке, а страной единолично правит один человек. В его власти судьбы людей, будущее страны. Это ведь неправильно!

Шахларбек. А что в этом плохого? На то он и царь, самодержец, чтобы единолично править. Ты думаешь, будет лучше, если государством будут одновременно править несколько царей?

Сеймур. Ты все превратил в шутку.

Шахларбек. Я не шучу, но спасибо, ты меня развеселил. Запомни, в каком бы веке люди ни жили, им необходимо, чтобы их государством правил один человек. Не два или несколько, а один-единственный, божий избранник. Что бы ни говорили прогрессисты, так было и будет всегда. Иначе смута и гибель государства.

Сеймур. А говоришь, что в политике не разбираешься?

Шахларбек. Я уже во многом перестал разбираться. Мое время, кажется, ушло. Это время твое, и делами должен заниматься ты.

Сеймур. Вместе. Нам предстоят великие дела, и вместе мы с ними справимся. Все в наших руках.

Шахларбек. Утром ко мне приходил прощаться мой давний приятель и партнер Саркис Гукасов. Уезжает в Париж. Распродал в Баку все свое имущество, нефтепромыслы, дома, корабли, а это почти на два миллиона рублей.

Сеймур. Непонятно. Насколько мне известно, я столько раз об этом слышал, дела у него идут прекрасно.

Шахларбек (смеется). Боится армян-националистов. Говорит, когда много армян собираются вместе, они рано или поздно начинают сходить с ума и тогда проливается море крови. Гукасов говорит, что время это вот-вот наступит и добропорядочному армянину надо от такого места держаться подальше. А в Баку за последние годы много армян приехало. Они каждый год у него денег просили, он никогда не отказывал. Жили тихо, мирно. Теперь, говорит, пока не поздно, надо уезжать.

Сеймур. Странно. Гукасов на меня производил впечатление умного человека.

Шахларбек. Он и на самом деле умный. Гукасов не просто умный, при этом он еще очень богатый и влиятельный человек. Такие люди ничего не боятся, но если они что-то предвидят и опасаются этого, то ошибаются редко. Когда-нибудь ты в этом убедишься.

Дом Сеймура. Сеймур снимает со стены ружье. В комнату входит Айша.

Айша. Для чего тебе понадобилось ружье?

Сеймур. Чудо! В первый раз за всю неделю ты чем-то заинтересовалась. Как видишь, собираюсь на охоту.

Айша. На что?

Сеймур. Едем поохотиться на кабанов.

Айша. Это не опасно?

Сеймур. Мы не новички. Мартынов опытный охотник, Мамедханов тоже редко промахивается. Нас ждут там лучшие егеря и загонщики. Можешь не беспокоиться, завтра благополучно вернусь и прижму тебя к сердцу.

Айша. Ты будешь скучать по мне?

Сеймур. Скучать? Каждую минуту я буду тосковать по тебе (Подступает к ней с объятиями, но она отходит. Внимательно разглядывает его).

Сеймур. Опять задумалась. Расскажи мне, наконец, о чем ты непрерывно думаешь?

Айша. О разном. Вот сейчас, например, глядя на тебя, думаю, какой из тебя вышел бы идеальный лжесвидетель. Правдивые глаза, искренний голос и лживые слова. Каждый раз, уезжая ночевать к Марион, ты рассказывал мне эту сказку об охоте. Сеймур, я все знаю.

Сеймур. Кто эту ерунду тебе рассказал?

Айша. Все, кроме меня, это знают. И все знают, что ты считаешь слабоумной дурочкой свою жену, дочь Алекпербека Юзбашева. Я верила каждому твоему слову, потому что любила тебя. И еще потому, что думала, что мой муж самый близкий и самый главный для меня человек. Так кому же верить на целом свете, если не ему? А ты, глядя мне в глаза и улыбаясь, обманывал меня. Теперь я ненавижу тебя и презираю. Вот ты чего добился.

Сеймур. Подожди. Подумай, что ты говоришь! Я же люблю тебя! И ты всегда говорила, что любишь, и я чувствовал, что ты любишь меня. И вдруг... Я тебе все объясню, только никогда больше не говори мне, что ты меня ненавидишь.

Айша. И презираю (Сеймур молчит). Ты хотел мне что-то объяснить?

Сеймур. Я тебя люблю, я счастлив с тобой как никогда в жизни, пойми, это правда и это главное.

Айша. Кто знает, что в жизни главное? Я гордилась тем, что я замужем за Сеймуром Мехмандаровым, тем, что он любит меня. Я сама себе казалась самой умной и красивой женщиной. Все это было в другой жизни. А теперь я боюсь выйти из дому, потому что мне стыдно. Я избегаю встречи с отцом, потому что уверена, что ему все известно. Был только ты. Теперь у меня никого нет. Ты убил мою гордость. Никогда этого не прошу.

Сеймур. Ты только постарайся понять, что не все так просто. Все началось за три года до того, как я увидел тебя. Тогда-то, в Санкт-Петербурге, я начал встречаться с Марион. И в Баку я пригласил варьете до того, как познакомился с тобой. А теперь на всем свете для меня существуешь только ты. Я очень люблю тебя. Прошу тебя, пойми это

Айша. Я все поняла. И сейчас ты собирался поехать к ней ради любви ко мне.

Сеймур. Я не мог ее выбросить за дверь, как приبلудную кошку! У нас уже не прежние отношения, она знает, что я женился, и чувствует, что я люблю тебя. Можешь считать, что с Марион я расстался навсегда.

Айша. Причем здесь Марион? Для меня самое страшное, что ты меня обманывал. Глядя мне в глаза, говорил неправду. Я не могу к тебе относиться по-прежнему. Ты теперь для меня другой человек.

Сеймур. Это забудется со временем. Я сделаю все, чтобы ты меня простила.

Айша. Может быть. Но пока это не прошло, я не могу тебя видеть. Мне даже разговаривать с тобой неприятно.

Сеймур уходит. Появляется служанка.

Айша. Я все-таки надеялась, что Касумбеков оклеветал Сеймура.

Служанка. Все равно, Сеймур-бек хороший человек. Вы так сердитесь, потому что любите его.

Айша. Лучше бы не любила.

Собрание Древнеегипетского общества.

Шведенклей. С некоторой грустью сообщаю, что сегодняшнее собрание последнее перед двухмесячным путешествием в Египет. Но сегодня, благодаря щедрости «Товарищества братьев Нобель», я имею возможность предложить вниманию членов нашего собрания в высшей степени приятный сюрприз. Сейчас мы все вместе попробуем повторить обряд - церемонию отбора нового жреца в храме бога Ра. По описанию наскальных надписей, в этот день в храме на стол выставлялось множество слитков различных металлов. Все они были накрыты листами папируса. Ученики, проведя ладонью над поверхностью папируса, должны были взять один слиток. Тот из них, кто безошибочно клал руку на скрытый от глаз золотой слиток, посвящался в сан жреца храма бога Ра. Поверьте мне, многое из того, что знали и делали древние египтяне, имеет глубокий смысл и в наши дни. По наблюдениям древнеегипетских жрецов, таких людей боги при жизни награждали необычными способностями, правильное использование которых может принести огромную пользу обладателю этих способностей или тем людям, кто имеет на него влияние. За неимением папируса мы завернули каждый слиток в бумагу. Здесь тридцать одинаковых по размеру слитков – по пять: из золота, серебра, мельхиора, бронзы, железа и олова. Итак, приступаем, господа! Слиток, до которого вы дотронетесь, ваш.

Члены общества подходят к столу, каждый берет по слитку в виде кубиков.

Чемпанский (рассматривает кубик). На золото не похоже. И на серебро тоже.

Шведенклей. Вам достался железный слиток. Золотой слиток достался господину Мехмандарову. Золото досталось только ему.

Чемпанский. И что, теперь вы посвятите магнетического господина Мехмандарова в жрецы храма бога Ра?

Ленкоранский. Я, как редактор газеты «Резонанс», хотел бы убедиться, что на столе был не один золотой кубик, а, как вы объявили нам вначале, пять. В интересах читателей.

Шведенклей. Непременно. Только, с вашего разрешения, прежде чем вы их развернете, я тоже хотел бы выбрать кубик. (Разворачивает.) Бронза! Прошу вас! Кстати, а вам какой кубик достался?

Ленкоранский. Оловянный. (Рассматривает кубики.) Из благородных металлов; четыре золотых, четыре серебряных и пять мельхиоровых кубиков. Они представляют собой большую ценность. Господа, в то время как народ бедствует, мы за его счет предаемся довольно-таки бессмысленным развлечениям. Я предлагаю все это золото, серебро и мельхиор передать в пользование бедняков.

Шведенклей. Господин Ленкоранский, спешу вас успокоить. В письме «Товарищества братьев Нобель» указано, что оставшиеся на столе кубики должны быть переданы в дом сирот в Сураханах. Кроме того, прошу вас, господин Ленкоранский, заметить, что мы ничего не делали за счет народа, кубики были изготовлены для нас тем же «Товариществом».

Чемпанский (Шведенклею). Вы сказали Ленкоранский?!

Нина Владимировна. А мне бронза досталась. К чему бы это?

Чемпанский (Ленкоранскому). Вы действительно Ленкоранский?

Ленкоранский (учтиво кланяется). Имею честь. Раф Ленкоранский, к вашим услугам.

Чемпанский. Нет, этого не может быть. Какое счастье! Но я хочу убедиться. Неужели вы известный Раф Ленкоранский, главный редактор газеты «Резонанс»?

Ленкоранский. Совершенно верно.

Чемпанский. Этого смердящего желтого листка. (Закатывает Ленкоранскому оглушительную пощечину). Пся крив! У меня со вчерашнего дня кровь кипит! (Дает вторую пощечину, Ленкоранский отскакивает от Чемпанского).

Нина Владимировна (в восторге). Какой приятный сюрприз! Наконец-то схлопотал негодник по физиономии.

Чемпанский. Позвольте объясниться, господа. Поверьте, я не вздорный скандалист, но у меня не было другого выхода. Как порядочный человек я был обязан публично дать пощечину этому мерзкому пачкуну. Как вам, может быть, известно, я занимаюсь созданием зоопарка. Зоопарк - это заведение, необходимое любому большому красивому городу, каким, несомненно, является Баку. А вот послушайте, что в связи с этим пишет в своей паршивой газетенке господин Ленкоранский. (Вынимает из кармана газету, развернув, читает). «На ужасающей воображение панораме лишений и страданий трудящихся появилось новое грязное пятно, нефтяные дельцы затеяли сооружение в Баку зоопарка. Все у нас есть, только вот зоопарка не хватало. Из достоверных источников нам стало известно, что это сомнительное дело поручено очередному залетному авантюристу господину Шампянскому, не имеющему прежде отношения к зоологии». Надеюсь, мне удалось убедить господина Ленкоранского, что зовут меня не Шампянский, а Чемпанский. Я жду вызова, господин Ленкоранский. Выбор оружия предоставляю вам.

Касумбеков. Господин Чемпанский, должен вас огорчить: дуэль не состоится по двум причинам. Одна из них та, что дуэли давно запрещены указом его императорского величества...

Чемпанский. Странно. А вот в Польше за дворянином оставлено право защитить свою честь с оружием в руках... А вторая причина?

Касумбеков. Господин Ленкоранский и не подумает ни с кем драться по причине безмерной, прирожденной трусости. Его оружие это перо - и он чернит им все, до чего дотянется.

Ленкоранский (говорит Чемпанскому с безопасного расстояния). Вы ответите перед судом!

Касумбеков. Он не обманывает. Суд будет. И по его решению вам придется заплатить ему штраф в 200 рублей. К обоюдному удовлетворению.

Нина Владимировна. За такое удовольствие никаких денег не жалко!

Шведенклей. Господа, господа! Мы несколько отвлеклись от темы заседания. Прошу внимания. В заключение нашего сегодняшнего заседания труппа варьете «Белая ночь» исполнит для вас стилизованный ритуальный танец. По секрету от вас я консультировал труппу по постановке этого хореографического этюда на протяжении последнего месяца. Поверьте мне, господа, три тысячи лет назад древнеегипетские танцовщицы в таких же костюмах и масках исполняли погребальный танец в день похорон фараона Эхнатона. Эхнатон был единственным фараоном в истории древнего Египта, фараоном вероотступником, который отменил культ всех древнеегипетских богов и основал единобожие. Главным и единственным богом древнего Египта при нем стал бог Амон, бог солнца. Свою красавицу жену Нефертити он возвел в ранг живого бога, и она наравне с ним на глазах у народа предстала в храме перед Амоном.

Танец.

Нина Владимировна. Жуть какая! У меня вся кожа в мурашках.

Сеймур (Петеру). Несколько дней собираюсь тебе сказать. Господин Шведенклей предложил мне принять участие в поездке, и я согласился.

Петер. Ты наметил столько дел и вдруг бросаешь все и уезжаешь.

Сеймур. Мне надо собраться мыслями.

Петер. Наедине со сфинксом.

Сеймур. Не смейся. Я рассорился с женой. Это очень серьезно. Мне надо побыть одному.

Петер. Отец знает, что ты уезжаешь?

Сеймур. Да. Ничего не сказал, но расстроился.

Петер. Очень уж ты загрустил.

Сеймур. Я люблю Айшу

Петер. Это самое главное, остальное просто: береги свою любовь и наслаждайся жизнью.

Дом Сеймура. Приходит Гулам. Останавливается в дверях.

Сеймур. Чего тебе?

Гулам. Стою и думаю, когда лучше сообщить вам неприятные новости: перед обедом или повременить, пока вы покушаете?

Сеймур. Говори, что случилось. Быстро!

Гулам. Только что арестовали... этого, который про мертвых фараонов рассказывает. Двое полицейских надели на него оковы, посадили в закрытую пролетку и увезли.

Сеймур. Кто тебе сказал?

Гулам. Сам видел десять минут назад. Я отнес, отдал цветы мамзель Марион в гостиницу «Бристоль». Возвращался по коридору и увидел двух полицейских. Из номера 10 вышли господин ротмистр с этим, который о мумиях рассказывает...

Сеймур. Шведенклей?

Гулам. Да. Его повели к черному ходу, а я через парадные двери выскочил на улицу. Сразу же подъехала крытая пролетка, полицейские посадили его и уехали. А господин ротмистр, помахивая тросточкой, пошел дальше по Большой Морской в сторону жандармского департамента.

Сеймур торопливо выходит из комнаты.

Кабинет Касумбекова. Он сидит за письменным столом. Ему докладывают о том, что пришел Сеймур Мехмандаров.

Касумбеков (вошедшему Сеймуру). Поразительно! Представляете себе, я как раз сейчас вспоминал наш прошлый разговор.

Сеймур. Мне это лестно слышать, но пришел я не поэтому. Я пришел спросить у вас, на каком основании вы приказали арестовать господина Шведенкля?

Касумбеков. Присаживайтесь... (С досадой). Баку - удивительный город. Не успеешь кого-нибудь отправить в кутузку, как тут же об этом все узнают. Никакого удовольствия! Чаю хотите?

Сеймур. Нет, спасибо. Я пришел узнать, за что вы арестовали господина Шведенкля.

Касумбеков. Любезнейший господин Мехмандаров, вы ставите меня в трудное положение. В интересах дела и самого господина Шведенкля я не должен отвечать на такие вопросы... Но, учитывая наше давнее знакомство и совместное членство в Обществе египтологии, в виде исключения, скажу. Я приказал арестовать господина Шведенкля, так как у меня есть основания думать, что он германский шпион, то есть опасный преступник, который не должен находиться на свободе.

Сеймур. Какие же это у вас основания думать, что этот безобидный человек, ученый является шпионом?

Касумбеков. А вот этого я вам сказать не могу. Никак.

Сеймур. Весь последний месяц вам известно о том, что несколько членов общества вместе с господином Шведенклеем собираются выехать в Египет, и именно сегодня, зная, что уже куплены билеты на пароход и заказаны номера в каирском отеле, вы его арестовываете. Вам это совпадение не кажется странным?

Касумбеков. Каждый день происходит столько случайных совпадений, что за всеми не уследишь. Так или иначе, я его арестовал.

Сеймур. И я уверен, что получаете удовольствие от того, что поездка не состоится и у всех участников испортится настроение.

Касумбеков. Позвольте узнать, вы в Бога верите?

Сеймур. Станный вопрос. Верю, разумеется.

Касумбеков. Рад слышать. Должен вам сказать, что я глубоко верующий человек, и видит Бог, что мне очень хочется, чтобы ВЫ завтра благополучно уехали из Баку... то есть вы и ваши спутники уехали бы в Египет. Но чувство долга для меня превышает всего. Поэтому я арестовал господина Шведенклея. (Встает.) Рад был вас видеть.

Гостиная в доме губернатора. Мартынов в халате, сидя в кресле, курит трубку. Нина Владимировна пьет чай. Появляется служанка.

Служанка (Нине Владимировне). Господин Мехмандаров-младший просит принять его по неотложному делу.

Мартынов (жене). Он предупреждал тебя о своем визите?

Нина Владимировна. Утром мы виделись на заседании общества, он ничего не говорил.

Мартынов. Никогда у нас в доме не бывал и вот вдруг является запросто, без приглашения, как в ресторан. Какое у него может быть к тебе неотложное дело?

Нина Владимировна. Надеюсь сейчас узнать.

Мартынов. Воля твоя. (Направляется к двери в соседнюю комнату).

Нина Владимировна (служанке). Проси.

Сеймур. Прошу простить меня за внезапный приход. Меня вынудило к этому чрезвычайное событие.

Нина Владимировна. Милости прошу. Усаживайтесь. Расскажите, что за событие.

Сеймур. Касумбеков полчаса назад арестовал господина Шведенкля и в кандалах отправил его в тюрьму.

Нина Владимировна (от неожиданности на несколько мгновений лишается дара речи). Как он посмел?! Вы правильно поступили, что сообщили об этом возмутительном самоуправстве мне. Я сделаю все, что в моих силах.

Сеймур. Это произвол.

Нина Владимировна. Спасибо, а теперь идите, надо поскорее вытащить его из тюрьмы. (После ухода Сеймура, громко). Паша!

Появляется Мартынов.

Нина Владимировна. Ты слышал?

Мартынов. Я не прислушивался.

Нина Владимировна. Касумбеков арестовал Шведенкля.

Мартынов (подходит к столу, вытряхивает пепел из трубки). Не переживай так сильно! Слава богу, дело поправимое. (Звонит в колокольчик. В дверях возникает адъютант). Немедленно доставьте ко мне ротмистра Касумбекова.

Адъютант. Будет исполнено, ваше превосходительство!

Мартынов подходит к жене, ласково берет ее руки в свои.

Мартынов. Успокойся, дорогая, все в наших руках. Пойду к себе, переоденусь.

Мартынов в расшитом золотом мундире генерал-губернатора. Входит адъютант.

Адъютант. Ротмистр Касумбеков явился по вашему распоряжению.

Мартынов. Пусть войдет.

Касумбеков входит, отдает честь.

Мартынов. Проходите, ротмистр, садитесь. Расскажите, что происходит в городе.

Касумбеков. Слава богу, никаких происшествий. О пожаре на Биби-Эйбате я вчера вам докладывал. Ночью затушили.

Мартынов. Пожар - это хорошо. Вы мне лучше расскажите, почему вы арестовали господина Шведенклея и отправили его в кандалах в тюрьму, словно убийцу или вора?

Касумбеков. Я собирался доложить вам об этом в конце дня. Арест произведен мною согласно предписанию, полученному вчера из Санкт-Петербурга из главного жандармского управления его императорского величества. В предписании указано, что я должен незамедлительно отправить господина, известного в Баку как Иоган Шведенклея, в кандалах и в сопровождении двух конвоиров в столицу.

Мартынов. Что значит «известного в Баку как Шведенклея»?

Касумбеков. Из циркуляра явствует, что в Петербурге он два года жил под именем Готлиб Барон Генрих Готлиб. Пользовался известностью своими спиритическими сеансами, которые посещали представители столичного бомонда.

Мартынов. Из-за этого в тюрьму в кандалах?

Касумбеков. Никак нет, ваше превосходительство. Доподлинно установлено, что господин Шведенклея, он же барон фон Готлиб, является резидентом германской разведки.

Мартынов. В связи с обострением отношений наших стран расцвела германофобия, а вследствие нее и шпиономания. Этой напасти в чрезвычайной степени подвержены многие петербургские чиновники. Кстати, если они уверены, что он шпион, интересно знать, чего это они ждали, почему он не был арестован год назад в Петербурге?

Касумбеков. По моим сведениям, для его поимки были приняты чрезвычайные меры, оцеплены все выезды из столицы.

Мартынов. А он-таки ускользнул? Никогда бы не подумал, что господин Шведенклея такой шустрый.

Касумбеков. Я знаю, что в Баку из Петербурга он прибыл в вашем вагоне, который не подлежит осмотру.

Мартынов. Да, да, я пригласил этого интересного человека в свой вагон. Одному скучно ехать восемь суток... Вы об этом уже сообщили в Петербург?

Касумбеков. Нет, ваше превосходительство. Об этом известно мне одному.

Мартынов. Когда вы намереваетесь отправить господина Шведенкля?

Касумбеков. Сегодня. Он уже сопровожден в арестантский вагон петербургского поезда.

Мартынов смотрит на часы, звонит в колокольчик. Появляется адъютант.

Мартынов. Немедленно поезжайте на вокзал и задержите отправление поезда Баку – Петербург. В вашем распоряжении пятнадцать минут.

Адъютант уходит.

Мартынов. Вы все очень точно рассчитали, ротмистр... Ну что ж, я одобряю все ваши действия.

Касумбеков. Для меня одобрение вашего превосходительства - большая честь.

Мартынов. А каким образом в Петербурге узнали, что господин Шведенклей пребывает в Баку?..

Касумбеков. О своих подозрениях я донес в Главное управление месяц назад. Приложив к этому подробное описание примет и образа жизни господина Шведенклея.

Мартынов. Вы выполнили свой долг... Но, если говорить откровенно, то я не верю в виновность господина Шведенклея. Думаю, в дальнейшем мое мнение подтвердится. Поэтому, во избежание неприятной ошибки, отправляйтесь на вокзал и освободите его из-под стражи. Кроме того, я прошу вас, господин ротмистр, не чинить препятствий для научной поездки за границу. Вы меня поняли?

Касумбеков. Я все прекрасно понял, ваше превосходительство.

Мартынов. Это приказ. Если пожелаете, можете получить его в письменном виде.

Касумбеков. Согласно указу его императорского величества приказы генерал-губернатора, безразлично, в устной или письменной форме, подлежат без промедления и обсуждений обязательному исполнению на всем пространстве вверенной его попечению губернии. Будет исполнено, ваше превосходительство!

Мартынов. А в Петербург отпишете, что господин Шведенклей внезапно отбыл за границу до того, как вы получили предписание об его аресте.

Появляется Нина Владимировна.

Нина Владимировна. Приятно вас видеть, господин Касумбеков. Вы посетили нас по делу или зашли в гости?

Касумбеков. По делам службы, ваше превосходительство.

Нина Владимировна. Павел Александрович, ты успел сказать господину ротмистру, что он представлен к награждению орденом Святого Владимира первой степени?

Мартынов. Мм, да... Действительно. Как-то вылетело из головы... Поздравляю, ротмистр!

Нина Владимировна. Когда я узнала, что Павел Александрович представил вас к ордену, я сказала ему: Павел, это справедливо и правильно. Чашку чая?

Мартынов. В другой раз, дорогая. У господина ротмистра безотлагательное дело.

Касумбеков уходит.

Нина Владимировна. Я все слышала. Коварная бестия. И до чего хитро проделал все – с места в карьер в арестантский вагон. Вечером доложил бы тебе, а что пользы, поди догони скорый поезд. Все как положено. Комар носу не подточит!

Мартынов. Даже думать не хочу, что произошло бы потом, если бы поезд со Шведенклеем ушел.

Нина Владимировна. И не думай. Слава богу, наш поезд никуда без нас не уйдет.

Мартынов. Но каков молодец Сеймур Мехмандаров.

Нина Владимировна. Будем считать, что мы у него в долгу.

Мартынов. Что ж, сочтемся при случае.

Гостиничный номер. Раннее утро. Марион просыпается от стука в дверь.

Марион. Кто это?

Касумбеков (из-за двери). Полиция. Откройте, пожалуйста.

Марион. Вы с ума сошли! Семь часов... Что случилось?

Касумбеков. Я вам все скажу, мадемуазель. Только откройте дверь. Иначе я вызову швейцара, и о моем визите будет знать весь город.

Марион. Я оденусь. (Приводит себя в порядок). Входите.

Касумбеков. Ради бога, извините, мадемуазель. Я взялся выполнить эту неприятную и щекотливую миссию только исходя из интересов ваших и моего старого друга Сеймура Мехмандарова.

Марион. Теперь я вас узнала. Мы же знакомы.

Касумбеков. Разумеется, знакомы. Может быть, вы обращали внимание на то, что я, будучи поклонником вашего искусства, часто прихожу на представления.

Марион. Спасибо. Так в чем цель вашего столь раннего визита?.. С Сеймуром ничего не случилось?

Касумбеков. Вот с этой стороны никаких причин для беспокойства быть не может. Сеймур – баловень судьбы, и если с ним что-то и может случиться, то лишь какой-нибудь очередной приятный сюрприз. Речь пойдет о вас. Видите ли, мадемуазель, ваш прекрасный, исполненный красоты и поэзии роман с Сеймуром Мехмандаровым не остался незамеченным многочисленными завистниками и недоброжелателями.

Марион. И вы меня разбудили из-за того, что мне завидуют?

Касумбеков. Конечно, нет. Я не успел вам сообщить, кто эти завистники и недоброжелатели. Это очень влиятельные люди, особенно семья его молодой жены. К сожалению, мадемуазель, ни вы, ни Сеймур не позаботились о том, чтобы ваши отношения оставались в тайне.

Марион. Ну и что? Это запрещено законом?

Касумбеков. Да, мадемуазель. Ваше вызывающее поведение расценено как подрыв основ благопристойности и нравственности. С сожалением сообщаю вам, что я пришел с предписанием выдворить вас из города. (Протягивает ей письмо).

Марион (читает)... «Выдворить за пределы города Баку... Выдать мещанке Марии Горшковой за счет полиции города железнодорожный билет до Харькова...» Какая мерзость! Так обращаются с падшими женщинами.

Касумбеков. Поэтому-то я пришел сам, а не поручил это дело какому-нибудь неотесанному мужлану вроде здешнего околоточного. Я хочу самолично сопроводить вас на вокзал. Фаэтон ждет нас у входа.

Марион. А вы подумали, что на это скажет Сеймур?

Касумбеков (грустно улыбаясь). Вчера поздно вечером, перед его отъездом, мы встретились... Должен вам сказать, что я единственный человек, от которого у него нет тайн...

Марион (торопит). Ну и что он вам сказал?

Касумбеков (после паузы вынимает из кармана конверт, протягивает его Марион). Здесь билет 1-го класса на поезд, следующий до Харькова через Тифлис и Киев. Сеймур просил передать вам, что по возвращении он непременно найдет вас, где бы вы ни находились. Мне кажется, он всем этим был очень огорчен.

Марион. А у кого вы узнали, что мое настоящее имя Мария Горшкова?

Касумбеков. Я даже знаю, что ваша матушка известная в Харькове рукодельница, белошвейка. Это тяжелый труд. (Озабоченно смотрит на часы). Мы можем опоздать на вокзал, следует поспешить.

Марион. Но мне непременно надо заехать в театр, предупредить директора, вечером мой выход. Надо получить жалованье.

Касумбеков. Ни о чем не беспокойтесь. (Вынимает из кармана конверт). Сеймур обо всем позаботился. Здесь две тысячи рублей ассигнациями. Сеймур просил, чтобы, в числе прочего, вы купили вашей матушке кондитерскую лавку. Это украсит ей жизнь. Вот карандаш и бумага. Напишите записку директору... Напишите, что вы вынуждены неожиданно уехать на... мм... два месяца. Это необходимо, иначе начнут вас искать, обратятся в полицию, а это всегда связано с нежелательными разговорами и сплетнями. Все объяснения по возвращении Сеймура. Встреча с труппой состоится в зависимости от обстоятельств в Баку или Санкт-Петербурге. Умоляю вас, мадемуазель, поторопитесь! Мы можем опоздать.

Дом Сеймура. Айша и служанка.

Айша. Сеймура нет, и дом как будто стал другим.

Служанка. Все, как всегда, с утра во всех комнатах убрали. На первом этаже утром Гулам стекло разбил, но вы же еще этого не видели.

Айша. Ты права. Дом тот же самый, только Сеймура нет.

Появляется Гулам.

Гулам. Пришел Эльдар Касумбеков. Я ему сказал, что Сеймур-бек уехал, а он не уходит. Говорит, иди сообщи хозяйке, что ротмистр Касумбеков просит принять его по очень важному делу.

Айша. Это невозможно. Пусть приходит через полтора месяца, когда вернется Сеймур.

Гулам уходит.

Служанка. Может быть, он хотел сообщить вам что-нибудь о Сеймур-беке.

Айша. Не сомневаюсь... Мне все известно и без Эльдара Касумбекова.

Возвращается Гулам с конвертом в руке.

Гулам. Он передал для вас письмо.

Гулам кладет на стол конверт и уходит.

Айша. Отнеси письмо в кабинет Сеймура, положи на его стол. Не хочу его читать.

Служанка. Сеймур-бек когда еще вернется. А вдруг там что-то очень важное.

Айша. Прочитай ты. Если там есть что-нибудь, кроме мерзких сплетен, расскажешь.

Служанка. Покойная мама тысячу раз говорила мне, чтобы я ходила в школу. Сама при ее большом уме была неграмотная, а меня, дурочку, уговаривала. Все без толку. Вы прочитайте сами, а уж потом я отнесу его в кабинет Сеймур-бека.

Айша подходит к столу, вынимает из конверта письмо, прочитав, молча садится в кресло.

Служанка. Что случилось? Вы такая бледная.

Айша (читает вслух). «Ваш муж уехал в научную экспедицию вместе с танцовщицей варьете «Белая ночь» Марион Дюбарри. Вы должны это знать. Я мечтал завоевать ради вас весь мир, а вы предпочли мне богатого блудливого бездельника. Ваш до конца жизни. Эльдар Касумбеков...» Этого не может быть!

Служанка. С одной стороны, он, конечно, врет. А с другой стороны, удивительно... Как господин Касумбеков может так нахально врать, если эта Марион после отъезда Сеймурбека продолжает петь и танцевать здесь? Вы завтра же пошлите кого-нибудь в театр и узнаете все, как есть.

Айша. Этого не может быть! Это страшная ложь.

В полутемном зале продолжается выступление варьете. Приходит жена Сеймура Айша. Она не проходит в зал, останавливается у выхода. В паузе на сцену выходит конференсье.

Конференсье. Дамы и господа! Несколько недель мы будем лишены удовольствия лицезреть очаровательную мадемуазель Марион Дюбарри. Минувшей ночью она уехала отдыхать в свое поместье на берегу Средиземного моря. Но праздник продолжается! Перед вами выступит божественная Атенаис де Монтеспан в сопровождении всей труппы. Итак, канкан, господа!

В полумраке рядом с Айшей возникает Касумбеков.

Касумбеков. Вы слышали, что сказал конференсье? Этот пошляк – друг – приятель Сеймура. Вместе пьют. Рассказывают друг другу скабрзные шутки. Недельки две назад зашел в ресторан, слышу, как Сеймур при всех говорит ему: – я женат на судоверфи, и самые ценные части в ней - это металл, дерево и немного соленой водички. Разумеется,

безобидная шутка, но мне все равно стало очень неприятно. Пошли, вам нельзя здесь оставаться так поздно, вас могут увидеть.

Айша не отвечает. Касумбеков осторожно кладет ей руку на плечо.

Касумбеков. Вы вся дрожите! Успокойтесь. Вот увидите, со временем все уладится. Что вы сказали?

Айша. Я хочу умереть!

Касумбеков. Нельзя, чтобы вас здесь видели. Пошли.

Бережно придерживая ее за плечи, уводит.

Верхняя палуба большого парохода. Нарядно одетые пассажиры. Чемпанский в бинокль любуется панорамой. За одним из столов под тентом сидят Шведенклей и Сеймур.

Чемпанский (кричит). Крокодил! Крокодил!

Шведенклей. Дельфин. Это, с вашего разрешения, дельфин. Вам, господин Чемпанский, как создателю зоопарка полезно бы знать, что в Средиземном море крокодилы не водятся.

Чемпанский (огрызается). К вашему сведению, милостивый государь, я директор зоопарка, а не аквариума. Кроме того, настоящему аристократу вовсе не обязательно знать разницу между всеми водоплавающими животными.

Шведенклей. Виноват, виноват, вполне возможно за время моего отсутствия здесь завелись крокодилы.

Возвращается к столу.

Шведенклей. Вчера вечером в Пирее мне принесли греческие газеты. За истекшие десять дней в Европе произошли важные события. Австро-Венгрия насильственно присоединила к себе Сербию и Боснию. В ответ Россия, как защитница и покровительница всех славянских народов, объявила всеобщую мобилизацию. Франция ее поддержала.

Сеймур. Это значит, что мне, как офицеру запаса, необходимо вернуться.

Шведенклей. Не спешите. Канцлер Германии расценил мобилизацию как угрозу и выразил в связи с этим протест российскому императору. Мобилизация временно приостановлена.

Сеймур. Мне это не нравится. Отмена мобилизации по требованию канцлера выглядит как унижение достоинства империи.

Шведенклей. Может быть. Но прежде всего это - констатация реальной расстановки сил. Русская армия вследствие казнокрадства и невежества командования небоеспособна. Страна разлагается изнутри агитаторами и пропагандистами антиправительственного толка. Бесчестные чиновники. Безвольная, продажная интеллигенция. Эти факты

совпадают с личными наблюдениями вашего покорного слуги. Словом, Россия слаба и не готова к войне с таким могущественным противником, как Германия.

Сеймур. Это не так! Мне кажется, господин Шведенклей, вы ошибаетесь!

Шведенклей. Извините. Наш спор принимает несколько риторический характер, поэтому прекратим его. Но, поверьте мне, войны не избежать.

Сеймур. Вот тогда-то и выяснится, кто в ней победит.

Чемпанский. Мы прибыли. Но, странно, пирамид отсюда не видно даже в бинокль. Другие дома как на ладони, а их что-то не заметно. А вы, господин Шведенклей, уверяли, что самые высокие сооружения в Египте – это пирамиды?

Шведенклей (подходит к борту). Видимо, я ошибался... Желтые флаги. Это означает эпидемию.

Капитан корабля. Господа! Плохие новости. В Египте началась эпидемия холеры, объявлен карантин. Высадка на берег запрещена. Кораблю предписано вернуться по обычному маршруту. Приношу всем пассажирам свои извинения.

Чемпанский. Не правда ли, странно? Мы едем в первом классе, а нам, как всем остальным пассажирам из трюма, не разрешают сойти на берег!

Шведенклей. Прекрасный пример всеобщего равенства классов.

Сеймур. Равенство перед лицом холеры.

Шведенклей. Через несколько часов мы вернемся в Пирей и там расстанемся. И возможно, как это ни грустно, навсегда.

Сеймур. Я не уговариваю вас вернуться в Баку, где нас ждет одержимый шпиономанией ротмистр Касумбеков.

Шведенклей (улыбается). По-видимому, в Пирее мы надолго расстанемся, если не навсегда. Поэтому скажу ради справедливости, что этот ротмистр исправно выполняет свои служебные обязанности, и у меня, старого службиста, это вызывает уважение. Если бы не ваше участие, за что я перед вами в неоплатном долгу, то сидеть бы мне сейчас не здесь, а в тюремной камере с решеткой. Мое спасение из лап очень серьезного и опасного противника - чудо, сотворенное дружескими руками.

Сеймур. Позвольте, позвольте. Касумбеков заковал вас в оковы, назвал вас германским шпионом. И вы не только не оскорблены, но даже считаете, что он хорошо выполняет свои обязанности?

Шведенклей (улыбается). Откровенность не входит в число моих добродетелей... или же недостатков, но сейчас я могу себе позволить говорить откровенно. Прежде всего, давайте договоримся о терминах. На мой взгляд, шпион - это любой добропорядочный человек, именно добропорядочный гражданин, который, ознакомившись с особенностями страны посещения, использует в дальнейшем свои новые знания и наблюдения на пользу своего государства. Это способствует развитию мировой науки и промышленности и приносит пользу политике.

Сеймур. Но никто до сих пор не называл шпионом Марко Поло, например. Хотя он идеально соответствует вашему описанию наблюдательного добропорядочного гражданина.

Шведенклей. Все дело в терминах. По своей сути он, несомненно, был шпионом, но шпионом-любителем. Профессиональными шпионами являются те, кто не всегда путешествуют по своей воле и едут в ту страну, куда им приказывают. Это почетный долг и честь для избранных среди многих. Именно поэтому я не считаю утверждения господина Касумбекова в отношении меня оскорбительными.

Сеймур. Это означает... Значит, Касумбеков был прав?

Чемпанский. Вы сказали, Касумбеков? Проницательнейший человек! Вы слышали, как он самым подробным образом отрекомендовал этого проходимца Рафа Ленкоранского? А

этот Ленкоранский и на самом деле, выражаясь научно, не что иное, как настоящий цианистый кал! Но что-то вы приуныли, господа. Даст бог, еще побываем в Египте. Нет худа без добра, скоро в Баку должны прибыть слон и львиная пара, и мое присутствие там при этом событии окажется весьма своевременным. Если бы не это, я бы с удовольствием съездил во Франкфурт.

Сеймур (безучастно). У вас там друзья?

Чемпанский. Я встретился бы с графом Лещинским. Я вам говорил о нем.

Сеймур. Фамилию я слышал...

Чемпанский. Мой друг. Очень влиятельный человек. Я приехал в Баку с его рекомендательным письмом к генерал-губернатору Баку. Они многолетние приятели и деловые партнеры. Владеют на паритетных началах текстильными мануфактурами во Франкфурте, Познани и Льеже.

Сеймур. Никогда бы не подумал, что господин Мартынов разбирается в текстиле.

Чемпанский. Ему и не надо. В текстиле разбирается управляющий графа Лещинского. Их дело - вложить капитал и получать доходы.

Шведенклей. И это очень разумно. В России очень скоро наступят плохие времена, можете мне поверить. Последуйте доброму совету, уговорите отца перевести капитал за границу, скажем в Швейцарию, и уезжайте сами.

Сеймур. Господин Шведенклей. Неужели вы думаете, что если в моей стране наступят, как вы утверждаете, плохие времена, то я, будучи дворянином и офицером, могу ее покинуть? Видимо, я сам дал повод так думать обо мне.

Чемпанский. Благородные слова, достойные истинного дворянина и патриота! За это непременно следует поднять тост. Стюард, шампанского! Две бутылки «Вдовы Клико». Запишите на мой счет.

Ночь. Слышно, как подъезжает фаэтон. Сеймур в сопровождении извозчика подходит к дверям своего дома, тускло освещенным газовым рожком. Расплачивается с извозчиком. На стук никто в доме не отзывается.

Сеймур (громко). Гулам! Зибейда! Спят без задних ног, бездельники. (Роется в карманах, находит ключ и открывает дверь. Поднимается на второй этаж, слышит за дверью спальни приглушенный голос. Распахивает дверь и видит Касумбекова и свою жену. Касумбеков в халате сидит на тахте).

Сеймур (застыв в дверях). Не думал, что такое может быть.

Касумбеков (встает). Надо поговорить.

Сеймур. Самое время. (Смотрит на одежду Касумбекова, в беспорядке разбросанную на диване, поднимает портупею, вынимает из кобуры револьвер и взводит курок).

Касумбеков. Осторожно, он заряжен! Вы что делаете? Положите револьвер на место... вы не можете убить безоружного человека. Я готов с вами стреляться! Вы же порядочный человек.

Сеймур. (усмехается, направляет пистолет на Касумбекова.) Я считался порядочным человеком до того, как увидел вас в своей спальне... Господин ротмистр, вы же сами говорили, что дуэли запрещены указом государя! (стреляет).

Окровавленный Касумбеков подбегает к окну. Встав на подоконник, срывающимися руками отпирает высокие створки.

Касумбеков. Помогите! Убивают!

Сеймур. Жаль, что убить можно всего лишь один раз. (Делает в него несколько выстрелов).

Слышно, как за окном тело Касумбекова ударяется о землю. Сеймур переводит взгляд на жену.

Айша. Убей меня. Я тебя прошу.

Сеймур (бросает ей одежду). Уходи к себе в спальню. Сейчас сюда придут люди. Ты ничего не слышала и не видела. Это все, что ты можешь для нас сделать в последний раз.

Айша. Это ты втоптал меня в грязь. Будь ты проклят! (Уходит).

Голос (из-за окна). Человека убили!

Сеймур (подходит к окну). Кто это там?

Хайказ. А, хозяин! Слава богу, вы дома. Это я, дворник Хайказ. Вышел на крики, и прямо передо мной человек упал. Почти на голову падал. Теперь лежит. Весь мертвый и голый.

Сеймур (бросает в окно одежду Касумбекова). Одень его. Позови Гулама, он тебе поможет.

Сеймур в раздумье ходит по комнате. Приходит Гулам.

Гулам. Слава богу, с вами ничего не случилось! Добро пожаловать!

Сеймур. Почему тебя не было дома?

Гулам. Хозяйка всех слуг с вечера отпустила. Сказала, что до завтра ей никто не будет нужен... Там во дворе Касумбеков лежит.

Сеймур. Вы одели его?

Гулам. И мундир надели, и галифе с сапогами. Теперь хорошо выглядит, тьфу-тьфу, не сглазить.

Сеймур. Иди в полицию, скажи, что Касумбекова убили.

Гулам. Они спросят, кто убил.

Сеймур. Скажешь, что я убил.

Гулам. У меня язык не повернется такое о вас сказать. (Плачет в голос). Я сейчас побегу к Шахларбеку, пусть он прикажет, что делать.

Сеймур. Никуда ты не пойдешь. Сиди здесь. (Подходит к окну). Хайказ! Ты что это там делаешь?

Хайказ. Один сапог у покойного, мир праху его, испачкался, я его чищу.

Сеймур. Быстро беги в полицию, скажи, у нас во дворе лежит мертвый ротмистр Касумбеков.

Гулам. А для чего нужно говорить полиции, что вы его убили?

Сеймур. А что сказать? На самоубийцу ротмистр не похож.

Гулам. Вы же здешних людей знаете, из любой мухи сделают слона. Начнут спрашивать, когда убил, из-за чего убил? А вы ведь сын Шахларбека. Разрешите, я скажу, что это я убил господина Касумбекова.

Сеймур. Тебя посадят в тюрьму, отправят в Сибирь.

Гулам. Пусть сажают. Я холостой, семьи нет. И в Сибири я никогда не бывал.

Сеймур. Все еще впереди. Будешь ко мне приезжать. А за то, что ты сказал, спасибо.

Появляются двое полицейских. Останавливаются в дверях.

Сеймур. Я вас вызвал для того, чтобы сообщить об убийстве ротмистра жандармерии господина Касумбекова. Его застрелил я. Труп ротмистра лежит во дворе.

Полицейский. Видели. Мы должны вас арестовать.

Гулам. В таких делах спешка может быть вам во вред, я вам советую: сейчас заберите тело ротмистра, а утром зайдете еще раз.

Полицейский (повторяет). Это убийство. Вы должны пойти с нами.

Все уходят.

Генерал-губернатор с женой.

Адъютант. Господа судья и прокурор прибыли.

Нина Владимировна. Я останусь.

Мартынов. Пусть войдут.

Входят Судья и Прокурор.

Мартынов. Господа, мне доложили, что дело об убийстве ротмистра Касумбекова на днях будет рассмотрено в суде, и я пригласил вас посоветоваться. Дело необычное и требует особого внимания. Господин Шахларбек Мехмандаров один из самых уважаемых отцов города и вправе рассчитывать на непредвзятое отношение к своему единственному сыну и наследнику. Хочу знать ваше мнение, господин прокурор.

Прокурор хочет встать, но Мартынов не позволяет.

Прокурор. Ваше превосходительство. В моей долгой практике впервые наблюдаю столь странное поведение обвиняемого. Следствием доподлинно установлено, что неожиданно для всех господин Мехмандаров вернулся в Баку в два часа ночи, в половине третьего он прибыл домой и застал свою супругу с ротмистром Касумбековым. Предположительно, между ротмистром и супругой господина Мехмандарова в ту ночь имело место прелюбодеяние. Господин Мехмандаров из револьвера, принадлежащего ротмистру, несколько раз выстрелил в ротмистра, вслед за чем приказал одеть его в мундир, на котором не обнаружено ни одной пробоины от пуль в местах, где они проникли в тело убитого. Учитывая все обстоятельства и в соответствии с законом, подобное поведение обманутого мужа в своем доме считается допустимым и ненаказуемым. И господин Мехмандаров уже был бы на свободе, если бы не отрицал очевидные факты. Господин Мехмандаров, несмотря на все улики и вопреки моим увещеваниям, утверждает, что его жена в день убийства находилась в другом месте, а именно, в доме своего отца господина Юзбашева. Он утверждает, что ротмистра он застрелил за то, что тот, пренебрегая сделанными ему предостережениями, самым наглым образом передергивал во время карточной игры. Если было так, как описывает господин Мехмандаров, то он совершил тяжкое преступление, за которое он должен быть осужден на двадцать пять лет каторги и при этом благодарить Бога за то, что у нас отменена смертная князь.

Мартынов. Но вы ведь не поверили господину Мехмандарову?

Прокурор. Судите сами, ваше превосходительство. В доме после приезда он находился всего несколько минут. За это время, по его словам, он успел сыграть в карты и застрелить ротмистра из его же револьвера. И при этом стрелял так искусно, что пули проникли в тело, минуя мундир и сорочку. При желании это можно расценить как издевательство над правосудием.

Нина Владимировна. А с его женой вы говорили?

Следователь. Она отказалась. А принудить ее встретиться со мной, при наличии в деле полного признания ее мужа, у следствия нет законных оснований.

Нина Владимировна. Господа, нам всем понятно, что господин Мехмандаров оговорил себя, чтобы позор его жены не был оглашен. Этот благородный человек хочет спасти честь своей семьи. И мы должны ему помочь, как бы он на себя ни наговаривал.

Прокурор. Было бы гораздо проще, ваше превосходительство, если бы он пристрелил и жену.

Нина Владимировна. Что и говорить, следовало пристрелить негодницу. Случай был самый подходящий, и никто бы его не осудил, ни по закону, ни по совести. Но тут уж ничего не поделаешь – что не сделано, то не сделано.

Мартынов. Одним словом, господа, надо помочь. Местом пребывания в заключении определите Баиловскую тюрьму, там есть несколько удобных помещений. Опять же фруктовый сад. И срок пребывания – года три-четыре, не больше. А мы о нем позаботимся при первой же государственной амнистии.

Судья. Посоветуйте, ваше превосходительство, как это сделать на глазах у присяжных.

Мартынов. Соберите присяжных из числа благонадежных, побеседуйте с каждым по-отечески... Не знаю. Для того я вас и позвал, вы юристы, вам и карты в руки. Перед Богом вам известно, что Мехмандаров невиновен. Остальное будет, как уж вы изобразите.

Просторная тюремная камера. Кровать, стол со стульями, два кресла. Комендант тюрьмы и Сеймур.

Комендант. Днем, до наступления темноты, вы можете гулять в саду. Посетителей по вашему списку к вам будут пропускать беспрепятственно. Списочек дадите мне. (Берет у Сеймура список). Шахларбек, понятно, это ваш уважаемый отец, Петер Омре. Как же, как же, знаю. Гулам Набиев, а это, извините, кто?

Сеймур. Гулам?.. Старый приятель.

Комендант. Так и запишем. Ваши друзья целый день наезжают, желают повидаться. Пускать?

Сеймур. Это тюрьма или пансионат? Никого не хочу видеть.

Комендант. Проще простого.

Сеймур. Книги здесь есть?

Комендант. Для вас у нас есть все. Есть произведения госпожи Чарской. Я недавно прочитал ее новый роман «Тайная трагедия любви». У меня слезы выступили, причем в служебное время. Принести?

Сеймур. Спасибо, не надо. Я скажу, что-нибудь принесут из дому.

Комендант. Библиотеку нашему заведению подарил ваш отец. И еще он большую баню построил. Раньше заключенных в оковах в баню через весь город строем водили раз в неделю. А теперь своя баня на двести человек прямо во дворе. И, по мере расхода, присылают нам от щедрот его мыло, мочалки и тазики, а также лекарства в лазарет. Ваш батюшка очень хороший человек. Если вам что-то понадобится, сразу посылайте за мной дежурного надзирателя. Камера вам нравится? Обычно здесь размещается шесть человек.

Комендант уходит. Закрывается железная дверь. Сеймур сидит в кресле, обхватив голову руками. Надзиратель вводит в камеру Шахларбека, подвигает для него кресло. Уходит.

Шахларбек. Не думал, что доживем до такого дня.

Сеймур. Прости меня, отец. Я очень виноват перед тобой.

Шахларбек. Ты все сделал правильно. Ты сохранил честь семьи. Во всем виноват я и никогда себе этого не прощу. Это была моя ошибка. Я ее выбрал, и, благодаря моей

глупости, ты привел эту змею в свой дом. Ты ни в чем себя не вини. Это несчастье. Такое с каждым человеком может стрястись. Не повезло тебе.

Сеймур хочет что-то сказать, но лишь беспомощно разводит руками.

Надзиратель (в дверях). Пришел господин Петер Омре. Сказать, чтобы подождал?

Шахларбек. Очень хорошо. Пусть войдет. А я поеду домой, полежу. (Обнимает Сеймура). Береги себя. (Уходит).

Появляется Петер.

Петер. Сдается мне, друг мой любезный, что ты впал в уныние.

Сеймур. Называй это унынием, если тебе так кажется. Скажу тебе со всей откровенностью своей души: я даже представить себе никогда не мог такое безнадежное отчаяние. Не пойму только одного: как я мог сам разрушить свое счастье? Как я был счастлив! Но не понимал этого. Погубил любимую женщину, которая так любила меня. Своими руками все разрушил.

Петер. Что было, то прошло. Со временем забудется. Вся жизнь впереди.

Темно. В исполнении духового оркестра звучит «Прощание славянки».

Камера Сеймура. Приходят Шахларбек и Петер.

Шахларбек. Неприятные новости. Твой адвокат подал апелляцию в суд, Судья, тот же самый, что приговорил тебя на пять лет, вначале отнесся к этому в высшей степени благосклонно. Поэтому я надеялся на то, что три года, что ты провел здесь, достаточное наказание и тебя выпустят на свободу. Не тут-то было. Газеты все пронюхали и подняли страшный шум. Особенно усердствовал Раф Ленкоранский. Не помогло и вмешательство губернатора. Времена наступили такие, что прессу стали опасаться. Несмотря на это судья апелляцию не отклонил. Пообещал вернуться к твоему делу через полгода. Придется подождать.

Сеймур. Самое главное – не принимай все близко к сердцу. За меня не беспокойся. Мне кажется, за эти три года здесь я сильно изменился. Раньше я непрерывно подгонял время, искал новых событий, а теперь я ко всему отношусь спокойно и совсем не тороплюсь отсюда выйти. Удивительное ощущение.

Шахларбек. Это понятно, ты зализываешь раны. Пройдет с божьей помощью. Я пришел сказать, что уезжаю на две-три недели в Истамбул. В Баку стало очень тревожно. Истамбул – единственное спокойное место. Вся Европа воюет. Поэтому я перевожу часть капитала в истамбульский банк, а вслед за ними отправлюсь туда сам. Всеми делами в мое отсутствие будет заниматься Петер. Береги себя. Я скоро вернусь

Сеймур. Что со мной может случиться в тюрьме? Приезжай скорее, я о тебе все время думаю. (Обнимает на прощанье отца). Жду! (После ухода Шахларбека). Отец заметно постарел. И я знаю, что в этом виноват я.

Петер. Виновато время. Ты думаешь, мы не стареем?

Сеймур. Расскажи лучше, что нового.

Петер. Что ни день – стачки, митинги. Активно действует несколько партий с неизвестными никому названиями. Их главари утверждают, что только они способны принести счастье обездоленному народу.

Сеймур. Так прокладывается дорога к демократическому государству. Другого способа нет. (Вынимает из кармана конверт). Это письмо Касумбекова. Я тебе это показывал? Прочитай.

Петер (читает). Теперь мне многое стало понятно. Все-таки покойный господин Касумбеков был на редкость изобретательным мерзавцем. Как это письмо попало к тебе?

Сеймур. Гулам выпросил его у служанки Айши.

Петер. Отец, конечно, говорил тебе об отъезде Юзбашева?

Сеймур. За три года мы с отцом ни разу не произнесли этого имени.

Петер. Он продал все свое имущество в Баку и вместе с дочерью навсегда уехал в Венесуэлу. Это в Южной Америке. Говорят, там нашли нефть.

Сеймур. А я обещал поехать с нею в Венецию.

Темно. Духовой оркестр исполняет «Марсельезу».

Камера Сеймура. Ночь. Сеймур спит. Просыпается от звуков выстрелов. Снова засыпает.

Темно. В исполнении духового оркестра «Вихри враждебные веют над нами».

Камера Сеймура. Приходят два тюремщика. Начинают затаскивать в камеру топчаны.

Сеймур. Господин комендант сказал, что, кроме меня, в этой камере никого не будет.

Тюремщик. Нам приказали, мы переносим. Не мешай.

Сеймур. Я прошу вызвать коменданта.

Тюремщик. С того света, что ли, вызвать? Нет коменданта, кончился. И твоя лафа кончилась.

Тюрьма. Кабинет следователя Автарханова. На столе перед ним груда газет. Конвоиры приводят избитого, жалобно стонающего Ленкоранского. Пытаются усадить его на стул.

Ленкоранский. Я не могу сесть. У меня сломан копчик.

Автарханов. Продолжаем упорствовать?

Ленкоранский. Господин следователь, меня беспрерывно избивали, били кулаками, ногами и палкой.

Автарханов. Обращайтесь ко мне – гражданин, гражданин следователь. Как это беспрерывно? (Обращается к конвоирам). Вы что, не обедали?

Конвоиры. Как же, обедали, товарищ Автарханов. И три раза по десять минут на перекур уходили.

Следователь. Вот видите, гражданин Ленкоранский, вы утрируете, значит, у вас было время посидеть и подумать в спокойной обстановке? Зря упорствуете. Я внимательно просмотрел все номера вашей газеты. Любопытная картина вырисовывается. Вы почти в откровенной форме выступали против монархического строя, ругали капиталистов, критиковали чиновников, призывали трудовой народ избавиться от кровососов рабочего класса. Вот тут-то и возникает вопрос: почему вы это делали?

Ленкоранский. Неужели непонятно? Я всей душой был против всех этих наглых высокомерных плутократов. Фактически я и моя газета были на вашей стороне.

Автарханов. И вы, конечно, добивались прихода крестьянско-рабочей власти?

Ленкоранский. Да, да, именно.

Автарханов. Вот тут-то у меня и возникает вопрос. Заковыристый вопрос: отчего это у гражданина Ленкоранского появилось такое странное желание покончить с эксплуататорами рабочего класса? Кто вас об этом просил? Вы были членом большевистской или меньшевистской партии? Нет. Собственный дом у вас есть? Есть. Газета принадлежала кому? Ленкоранскому. Жалованье в месяц вы получали большее, чем рабочий за целый год. Получали или нет!?

Ленкоранский (стонет). Приблизительно.

Автарханов. Пойдем дальше. Доходы были большие, а вы сотрудникам гроши выплачивали, я ведь все проверил, авторам статей и очерков гонорар не выдавали, деньги

вы присваивали, а способных авторов только бесплатно хвалили. Верно? Выходит, что гражданин Ленкоранский и был одним из бессовестных эксплуататоров трудового народа. И вдруг сам пошел против своих! Почему он так странно повел себя? Молчите? А потому что гражданин Ленкоранский является членом организации, которая подготавливала почву для захвата Баку английскими интервентами. Нам это известно. И гражданину Ленкоранскому это, конечно, известно лучше нас и раньше нас, но признаться в этом он не хочет. Да, да, не желает.

Ленкоранский. Я устал вам объяснять со вчерашнего дня, что это совершенно вздорное предположение. За всю свою жизнь я не был знаком ни с одним англичанином.

Автарханов. Вы сеяли недовольство среди населения. Вы не можете этот факт отрицать. Для чего вы это делали?.. Молчите? Я вам скажу. Этим вы подготавливали почву англичанам для захвата Баку... Значит, не признаетесь?

Ленкоранский. Да не в чем мне признаваться, как мне вас в этом убедить?!

Автарханов. А чем вы занимались в те дни, когда английский экспедиционный корпус оккупировал Баку?

Ленкоранский. Да ничего не делал. Отсиживался дома. Даже на улицу ни разу не вышел. Ждал, когда они уйдут из Баку. И мной никто не интересовался.

Автарханов. Все понятно, вы опытный дальновидный конспиратор. Зря упорствуете. Значит, не хотите чистосердечно во всем признаться? Дело ваше. Насильно, как говорится, мил не будешь. (Конвоирам). Продолжите работу с подследственным.

Упирающегося Ленкоранского уводят. Из коридора доносятся его крики: «Не бейте палкой, из нее гвоздь торчит!»

Камера Сеймура. Конвоиры, бросив Ленкоранского на пол, уходят. Сеймур помогает ему подняться на кровать.

Ленкоранский. Спасибо. Что мне делать? Они скоро вернуться. Очень больно.

Сеймур. Вы были у следователя?

Ленкоранский. Только что. У него идея – фикс. Твердит одно и то же. Требует моего признания в членстве в проанглийской организации.

Сеймур. Хоть какие-то доказательства вам предъявил?

Ленкоранский. Нет у него ни доказательства, ни улики. Ему нужно только мое признание. Он говорит, что признание обвиняемого – это царица всех доказательств. По его словам, если я выступал против монархии и власть имущих, то этим готовил ввод английских войск в Баку, потому что я имел собственный фаэтон и большое жалованье. Это логика больного человека, тяжелого психопата.

Сеймур. Припоминаю, вы действительно постоянно выступали с резкой критикой существующего порядка, честно говоря, я даже предполагал, что вы социал – революционер. Но при чем здесь англичане?

Ленкоранский (плачет навзрыд). Не был я ни эсером, ни большевиком, но я ненавидел в душе всех окружающих, всех преуспевающих людей, в том числе и вас, господин Мехмандаров! Вам этого не понять...

Сеймур. Если вам самому известны причины ненависти ко мне, скажите, я постараюсь понять.

Ленкоранский. С самого рождения я испытывал на себе тяжелый гнет несправедливости. Посмотрите на меня: Бог обделил меня приятной внешностью и здоровьем и, словно в насмешку, наделил это щедрое тело острым умом и злой памятью. Незаслуженные неудачи преследовали меня всю жизнь, много лет я был репортером столичных «Ведомостей», но меня с позором вышвырнули из них за пустяковую провинность, а

главный редактор на прощание назвал меня червяком. Семьи и друзей у меня нет, я совсем одинокий. С юных лет я ощущал себя всеми презируемым изгоем. Поэтому когда мне неожиданно улыбнулась судьба и я стал владельцем самой влиятельной газеты в Баку, то я, как тот джин из бутылки, поклялся отомстить всем тем, чья жизнь отмечена успехом и благополучием. Вскоре я понял, что то, что может джин, не под силу человеку. Но было поздно, я зашел слишком далеко.

Входят конвоиры.

Конвоир (Ленкоранскому). Ишь ты, разлегся. Здесь тебе не курорт. Вставай!

Сеймур. Вы не имеете права избивать заключенного. Это произвол.

Конвоир. Молчи, буржуйская морда! Ты лучше о своих правах думай, завтра тебя на допрос поведем.

2-й конвоир (торопит). Пошли, Автарханов ждет.

Ленкоранского уводят. Из коридора доносится крик: «Копчик! Копчик! Не бейте по копчику, он сломан!»

Дом генерал-губернатора. Теперь здесь размещается военно-революционный штаб. На стене портрет Троцкого в военной форме. В комнате вооруженные люди, мужчины и женщины в военной форме. Стол уставлен разномастными бутылками. Под портретом

Троцкого комиссар Фиолетов. Он в революционной форме – кожаной куртке, из-под которой проглядывает тельняшка. Все присутствующие стоя допевают «Интернационал». Садятся. Тут же в наступившей тишине в дверь просовывается голова в бескозырке.

Голова. Комиссар. К тебе тут двое просятся: один граф, второй инженер. Говорят, что им Главный нужен.

Фиолетов. Сами пришли или как?

Голова (ухмыляется). Ага, сами.

Фиолетов. Давай их сюда.

В комнату входят Чемпанский и Омре.

Чемпанский. Господин вождь пролетариата!

Фиолетов. Я тебе не господин.

Чемпанский. Как прикажете вас называть?

Фиолетов. Видно будет в конце разговора. Зовут меня Василь Фиолетов. А ты кто?

Чемпанский. Граф Алоизий Чемпанский.

Фиолетов. Граф, это кликуха у тебя такая?

Чемпанский. Не понял... Как вы сказали?

Фиолетов. В Тагильском центре со мной сидел один домушник, у него кликуха была – граф.

Чемпанский. Нет, нет. Я граф по происхождению. Фамилия Чемпанский была внесена в Золотую книгу Польского королевства в начале XVI века.

Фиолетов. А чего ко мне явился? Граф.

Чемпанский. Я пришел просить вас о помощи. Дело в том, что я, будучи директором зоопарка, не могу видеть, как на моих глазах умирает от голода гордость нашего зоопарка слон...

Фиолетов. Слона жалко. А что он ест?

Чемпанский. Сено, морковь, другие овощи.

Фиолетов. Мясо ест? Рыбу?

Чемпанский. Нет, только растительную пищу.

Фиолетов. Зверь, а сознательный. Понимает, что трудовому народу трудно. Поможем слону.

Чемпанский. Там есть и другие очень редкие экзотические животные: бегемоты, жираф, носорог. И все они голодают.

Фиолетов. Зоопарк – это теперь достояние трудового народа. Возьми для примера меня, родился в семье рабочего, а в зоопарке не был ни разу. И слона никогда не видел. Поможем! А ты кто?

Петер. Моя фамилия Омре, Петер Омре, инженер промысловик.

Фиолетов. Иностранец?

Петер. Финн норвежского происхождения, российский подданный. Окончил Санкт-Петербургский университет. Все шесть лет вместе со своим другом Сеймуром Мехмандаровым мы состояли в марксистском кружке, которым руководил господин Урицкий.

Фиолетов. Ты знаком с товарищем Урицким?

Петер. Знаком и состою в переписке. Пришел просить вас о справедливости. Мой друг Мехмандаров застрелил жандармского ротмистра, за что был заключен в тюрьму. В деле указано, что он убил за то, что ротмистр жульничал, но мне доподлинно известно, что у них были разногласия политического свойства.

Фиолетов. Ну, молодец парень! И сколько раз он в него выстрелил? Как, ты сказал, его имя? Запиши вот сюда. Сам понимаешь, в нашем деле без проверки нельзя. Как говорит товарищ Троцкий, верь, но проверяй. Если сойдется, сегодня же он будет на свободе. А теперь выпьем за встречу. (Наливает в стаканы шампанское, все присутствующие выпивают и закусывают). Видишь, граф, раньше ты пил шампанское, а теперь мы, рабочие и крестьяне.

Чемпанский. Пейте на здоровье, но, пардон, я не закусывал шампанское селедкой.

Фиолетов. А мы своим умом дошли. Ладно, у нас тут государственные дела... вы можете идти. (Вслед уходящим Чемпанскому и Петеру). Эй, граф, в следующий раз можешь называть меня – товарищ!

Тюремная камера. В сопровождении надзирателя приходят Петер и Гулам.

Петер. У меня для тебя две новости – плохая и хорошая. С какой прикажешь начать?

Сеймур. Начни с плохой.

Петер. Нет у меня плохих новостей. Только хорошая. Поздравляю! Начальнику тюрьмы вручен приказ о твоём освобождении. Ты свободен.

Под руки приводят Ленкоранского. Уложив его на топчан, конвоиры уходят.

Петер (потрясен). Кто это, что с ним?!

Сеймур. Это Ленкоранский. После допроса. Как только выберемся отсюда, надо будет сообщить, что с ним здесь делают.

Ленкоранский (стонет). Поздно. Я во всем признался. Сообщил здешние явки, фамилии членов тайной организации и своего руководителя в Лондоне... Все сообщил и подписался.

Сеймур. А кто руководитель в Лондоне?

Ленкоранский. Первый лорд Адмиралтейства. Имя лорда не помню, но в моих показаниях оно указано. Автарханов все знает, а я ему верю. Там же перечислены наши явки, вместе с именами и адресами подпольщиков. Я все подписал. И еще я признался в том, что выдал англичанам бакинских комиссаров.

Сеймур. Кого именно?

Ленкоранский. Всех. И принимал участие в их расстреле.

Сеймур. Пока не поздно, откажитесь от своих показаний, я подтверждаю, что вас к этому принудили.

Ленкоранский. Вы так говорите, потому что вас еще не били. Ни за что не откажусь!

Сеймур. Это серьезное обвинение, Любой суд присяжных вас осудит, и вы попадете на каторгу.

Ленкоранский (хихикает). Какие милые забытые слова – суд, каторга. Меня расстреляют здесь, в подвале, без всякого суда. (Стонет, впадает в забытье).

Сеймур. Вы так не переживайте. В нашей стране нет смертной казни.

Петер. Теперь есть.

Сеймур. (Гуламу). Иди, пригони фаэтон!

Гулам и Петер переглядываются.

Гулам. Нынче все, кроме вождей пролетариата, ходят пешком. Фаэтоны отменили.

Петер (Объясняет). Освобожденный от власти тирании народ, проголодавшись, истребил всех лошадей, голубей и другую живность.

Сеймур, остолбенев, смотрит на Петера.

Сеймур. А что это означает – другая живность?

Петер. В зоопарке убили и съели одногорбого верблюда – дромадера. Подбирались к слону и бегемоту, но народная власть выставила охрану. Всех фазанов и павлинов, однако, скушали официально.

Сеймур. Даже не верится, что наконец-то я увижу, что происходит за этими стенами!

Петер. Увидишь. Помнишь, как мы с тобой мечтали создать новый мир?! Его создали, но выглядит он не так, как представляли себе его мы.

Ленкоранский (приподнимает голову). Мы все были слепыми котятками. Удачи вам!

Сеймур. Ладно, пешком так пешком. Пошли!

Ночной Баку. Фантасмагория. Зловещая луна проглядывает сквозь темные облака. Завывают собаки. Во тьме с разных сторон города доносятся звуки выстрелов и отчаянные вопли. Рядом, с топаньем, пробегают невидимые люди. Кто-то с дикими криками за кем-то гонится. Вдали зарево над горящими нефтепромыслами.

Сеймур. (он потрясен). Что они сделали с городом?! Зачем?

Петер. Все это надо запомнить. На наших глазах умирает в агонии первый в истории человечества нефтяной Бум! Я уверен, власть народных вождей протянется недолго. И тогда неизбежно в Баку грядет Нефтяной Бум второй. Великий и прекрасный!

Сеймур. Наступит ли?

Петер. Не сомневайся.

Сеймур. Если второй раз нам выпадет великий шанс, его нельзя упускать, мы обязаны в будущем не забывать, какой прекрасный мир мы сегодня потеряли по своей глупости и беспечности. Сегодня мы стали умнее.

Петер! Аминь. Блажен, кто верует.

Занавес

* * *